Ученик

Автор:
Алексей Губарев

Ученик

Алексей Губарев

Тай Фун #1

Хороший день, чтобы умереть! – прошептали окровавленные губы, и глава рода Тай Фун опустился на колени рядом с телом жены. Он уничтожил всех, кто пришёл в его поместье. Теперь наследники рода в безопасности… Как бы не так! Убитые оказались лишь пешками.

Айлин, богиня справедливости показала умирающему горькую правду,
и предложила сделку, от которой нельзя отказаться.

Теперь он – проклятый выродок, дитя простой женщины и искаженного хаосом мутанта.

И на его след уже встали могущественные силы чужого мира, которые
с удовольствием прикончат чужака.

Алексей Губарев

Ученик

Глава 1

Дар Айлин

– Хороший день, чтобы умереть, – с хрипом вырывается из моего горла. Одновременно со словами обломок тренировочного меча погружается в сердце врага. Выпустив рукоять, пошатываясь, на слабеющих ногах двигаюсь к телу своей супруги. Шаг, второй, силы оставляют меня, и я медленно опускаюсь на колени прямо у бортика искусственного водоёма. Боли не чувствую, лишь металлический, слегка солоноватый привкус крови во рту. Скосив глаза, вижу, как алые капли, срываясь с губ, медленно летят вниз, ударяются о гладь искусственного пруда и плавно погружаются в хрустально чистую воду, окрашивая её в розовый цвет.

Тяжёлым, помутневшим от слабости взглядом обвожу место боя. Совсем недавно здесь был разбит прекраснейший сад, выращенный руками моей супруги, несравненной Айвен. Теперь её нет. А скоро не станет и меня…

Нас хотели застать врасплох. Выбрали тот день, когда мои сыновья под охраной лучших воинов рода отбудут в имперскую академию. Враг рассчитал всё, кроме одного – моей жажды отомстить за смерть любимой.

Она погибла мгновенно, в этом саду. Десяток чёрных зачарованных стрел, словно дождь, обрушился на любимую из-за стены, окружающей родовую усадьбу. Возлюбленная даже не успела вскрикнуть, замертво рухнув на землю. А затем внутрь хлынули воины врага.

В моих руках в тот момент был лишь тренировочный меч и ни одного камня силы. Я должен был умереть в первые секунды нападения. Но я не хотел уходить, оставив её смерть неотомщённой.

– Глупцы, – прошептал я, чувствуя, как пузырится кровавая пена на губах. – Первым надо было убивать меня.

Враг не ответил. Он лежал в двух метрах, с торчащей из груди рукоятью моего тренировочного меча. Я успел увидеть ужас в его глазах, прежде чем пронзил гнилое сердце.

С трудом поднявшись на ноги, вновь двинулся к супруге, лежащей на траве, алой от крови. Её крови. Всего несколько шагов, я смогу.

– Моя Айвен, я иду к тебе, – прошептали мои губы. Алая пелена медленно поглощала осквернённый сад, окровавленный пруд, поверженные тела врагов. Я иду к тебе, моя Айвен…

* * *

Что это? Вместо безликой реки умерших душ меня окружал мягкий, искрящийся золотом свет. Тихая, приятная слуху музыка, тёплое дуновение ветра.
И ощущение безграничной Силы, подчиняющей любого смертного!
В затуманенном разуме всплыли смутные воспоминания, словно наяву, зазвучали проповеди священнослужителей, описывающих обитель своих богов.

«Ты привлёк моё внимание, смертный», – сразу с нескольких сторон прозвучал чарующий, обволакивающий покоем женский голос. Лишь одно божество моего мира обладало таким нежным и одновременно сильным тембром – богиня справедливости. Осознав, где я нахожусь, неимоверным усилием воли прогнал наведённое чувство блаженства.

«Отпусти меня, Справедливая Айлин. Мой путь завершён».

«Смертный, ты считаешь, что отомстил? Ты всего лишь убил одного исполнителя. А как насчёт тех, что прямо сейчас убивают твоих детей?»

«Не-е-ет!!! Ты лжёшь!!! Император не позволит этому случиться!» –
От услышанного я растерял всё благоговение перед бессмертным божеством.

«Даже император боится того, кто пожелал уничтожения твоего рода. СМОТРИ!»

Передо мной предстала картина того, как десяток воинов в одеждах моего рода, встав кольцом, обороняются от сотни бойцов, облачённых в чёрные доспехи и не имеющих родовой символики. За спинами родовичей мои сыновья плетут одно заклинание за другим, поддерживая своих защитников. Но силы изначально неравны. Защитные амулеты чужаков отражают любую магию, а зачарованные клинки игнорируют родовую защиту. Один за другим падают защитники,

пронзённые чёрной сталью. И вот уже мои дети, встав спина к спине, сами отражают смертельные выпады.

Всё решает чёрное заклинание, обрушившееся на сыновей сверху. Окровавленные, держась друг за друга, они медленно оседают на землю, так и не выпуская из рук рукояти мечей.

«Зачем?! – вырвался из моей груди беззвучный крик, полный боли и отчаяния. – Справедливая, зачем ты показала это мне?»

«Ты верно сказал, я Справедливая. А потому я дарую тебе шанс отомстить. Это будет непросто, даже невыполнимо. Но я почему-то уверена, что ты не упустишь свой шанс. Принимаешь ли ты помощь богини, смертный?»

Плата за помощь богов одна – бессмертная душа. Готов ли я пожертвовать ей ради мести?

«Да, я принимаю твою помощь, Справедливая!»

* * *

Что-то прохладное и влажное скользнуло по виску, отчего моя голова дёрнулась, а сам я очнулся. Ещё до конца не осознавая, где я и что вообще происходит, привычным движением правой руки попытался схватить ножны с клинком. Увы, рука нащупала лишь пустоту.

Открыл глаза. Чей-то силуэт, склонившись надо мной, полностью перекрывает слабый источник света. Свеча, судя по дрожащим, шевелящимся теням вокруг.

– Сынок, очнулся! – прозвучал сверху женский голос. Вроде как родной и в то же время совершенно незнакомый. Да и речь – я уверен, что раньше не слышал этого языка, хотя сказанное понял. Влажная прохлада на лбу тут же сменилась сухими мозолистыми ладонями, ощупывающими моё лицо. – Ты можешь говорить?

– Ты смотри, не сдох, хаосёныш, – раздался справа скрипучий старческий голос. – Воистину, отродье хаоса. С такой кручи навернулся и выжил.

– Шёл бы ты отсюда, Хамзат! – зло произнесла женщина, назвавшая меня сыном. – Это твой отпрыск со своими дружками чуть не убили моего мальчика! Вся деревня видела, что они его столкнули вниз!

– Фарида, ты говори, да не заговаривайся! – тут же разъярился старик. – Если есть что предъявить, иди к старосте, а если нет – молчи. Сам навернулся, как и в прошлый раз! Уродец, он и есть уродец.

– Воды, – еле шевеля губами, произнёс я. Только сейчас понял, насколько меня мучает жажда.

– Сынок, сейчас, сейчас! На, выпей отвара росянки, он поможет, – заторопилась женщина, и моих губ коснулся прохладный край какой-то посуды. Я, стараясь сдерживаться, сделал два маленьких глотка. Затем ещё два, и только потом понял, что пью не воду, а невероятно горькую жидкость. Лекарство? Ничего, главное, утолил жажду. Ещё бы получить контроль над телом, но увы. Попытка приподняться с твёрдого ложа отдалась сильнейшей болью в спине. Лучше сначала выяснить, что со мной, прежде чем повторять подобные попытки. Надо прочувствовать энергетическое тело, вдруг получится?

– Ты смотри, как глыкает, мелкий паршивец, – вновь раздался старческий голос, мешая мне сконцентрироваться на сердечном ядре – средоточии всех энергетических потоков. – Словно и не был при смерти минуту назад. Точно говорю, отродье хаоса!

Хрясь! Звук разбившейся глиняной миски оборвал старика. Судя по всему, удар пришёлся по голове.

– Пошёл вон, старый козёл! – Голос Фариды зазвенел от злости.

– У-у, стерва! – запричитал старик откуда-то снизу. Я тут же живо себе представил, как плошка, из которой меня только что поили, с силой врезалась в лоб Хамзату, и тот от боли, обхватив лицо руками, опустился на корточки.

В этот момент до моего сознания наконец дошло, что вообще происходит. Бой в саду, смерть возлюбленной, мой разговор с богиней… Айлин подселила мой дух в тело крестьянского мальчишки?! Да ещё и урода, если верить мерзкому

старику, вой которого уже сменился на визгливую ругань. Справедливая решила поиздеваться надо мной?!

От возмущения я дёрнулся, чтобы подняться, и это была моя ошибка. Острая боль прострелила всё тело, и сознание заволокло чернотой небытия.

* * *

Следующее пробуждение было более спокойным. Я пришёл в сознание от прикосновения ко лбу чего-то прохладного. Открыл глаза и встретился взглядом с… девочкой? В этот раз освещение было немного лучше, и я смог хорошо разглядеть, кто рядом со мной находится. У неё были густые чёрные волосы, убранные в толстый хвост и перехваченные простой верёвкой. Невероятно смуглое от загара лицо, довольно милое, если не считать слишком широкого приплюснутого носа. И чёрные, блестящие любопытством глаза.

– Воды, – вновь попросил я, надеясь, что в этот раз мне не подсунут целебный отвар.

– Ой, брат! Очнулся! – Девчонка, охнув, тут же исчезла из поля зрения, и мне стало ясно, откуда пробивается свет. Он просачивался сквозь несколько щелей в потолке и узкую полоску дверного проёма.

Само помещение было круглым и каким-то предельно убогим. Обычная мазанка, каркас которой сплетён из длинных тонких ветвей. Крыша, судя по щелям, была покрыта соломой и, скорее всего, давно не видела ремонта. Убранство хижины тоже не впечатляло. Несколько лежанок, застеленных старыми шкурами и каким-то тряпьём, у одной из стен широкий, метра три, стеллаж, укрытый циновкой. Убогий стол, несколько корявых стульев, и в центре помещения грубо сложенный из камня открытый очаг. Над ним, по идее, должно быть отверстие в потолке, но я его не увидел. Возможно, накрыли из-за теплого времени года.

– Вот, держи. – Девчонка появилась так же стремительно, как и исчезла, и сунула мне под нос глиняную плошку. Я ухватил губами край посудины, и в моё пересохшее горло побежала живительная влага. Один глоток, второй, третий. Я бы пил и пил эту прохладную, живительную влагу, но моя сиделка строго произнесла: – Остановись, брат! Ты уже выпил половину суточной дозы

воды. Мама очень расстроится, когда узнает.

– Спасибо, сестра, – произнёс я на ранее неизвестном мне языке. – Прости, но вода показалась мне такой вкусной. Скажи, что со мной случилось?

– В селе говорят, что ты сорвался со скалы, когда охотился с мальчишками за каменными ящерицами, – ответила девочка. Справедливая Айлин, да ей лет десять, не больше. А глаза такие, словно все двадцать. – Но мама считает, что тебя столкнул толстый Сахем, младший внук колодезного Хамзата. Это уже не первый раз, когда толстяк хочет убить тебя.

– Почему? – удивился я. – Зачем Сахем это делает?

– Потому что ты не такой, как все. – Девочка потупила взор, после чего проговорила скороговоркой: – Фархат, раз ты очнулся, я пойду на поле, помогу маме с работой. Отдыхай.

И мелкая, считающая меня своим братом, почти бегом выскочила из хижины. Я же, глядя ей вслед, задумался. Что значит «не такой, как все»? Тот старик говорил, что я отродье хаоса. Что бы это значило? Что-то с телом? Попробовать вновь подняться?

Осторожно, не делая резких движений, приподнял голову. По позвоночнику прокатилась волна боли, но в этот раз достаточно слабой, чтобы пострадавшее от падения тело выдержало, не отключившись. Хм. Очень худые, но жилистые руки, такие же ноги, прикрытые до колен шортами из грубой ткани. Впалый живот, хорошо видимые рёбра – выше пояса я оказался обнажён. На загорелой коже видно множество шрамов, некоторые из них выглядят ужасно.
У предыдущего хозяина тела, похоже, была несладкая жизнь.

Закончив с телом, осмотрел кисти рук. Ладони покрыты грубыми мозолями, что говорит о регулярном тяжёлом труде. Костяшки набиты, как у кулачного бойца, что весьма удивительно. Ощупал пальцами лицо. Уши, глаза, нос, рот – на месте, с размерами тоже всё в порядке. В чём же моё отличие от местных, отчего меня называют отродьем хаоса, да ещё с такой брезгливостью? Может, дело в энергетическом строении моего тела?

Опустив голову на лежанку, вытянул руки вдоль туловища и приступил к первой медитации в чужом теле. Непростое решение. Будь я собой, погружение в себя заняло бы чуть меньше мгновения. Теперь же моему сознанию потребуется сначала ощутить связь с телом, затем нащупать хотя бы один поток и по нему попасть в сосредоточие – сердечное ядро.

Ни одна из известных мне практик не помогла, а знал я их больше двадцати. Столкнувшись с чередой неудач, решил использовать метод, которому наставники учат юных, только что пробудившихся одарённых, помогая им первый раз увидеть своё ядро. Это была даже не духовная практика, а, скорее, тонкое вмешательство в энергетическое тело. Такое могло сработать лишь с тем, у кого не имелось защитной ауры.

Я представил перед собой безбрежную гладь воды и несколько секунд созерцал её, погружаясь в эту стихию, позволяя ей заполнить всё сознание. Затем усилием внутреннего взора сменил воду на бескрайнее небо. Разум окутала синева без границ, в которую я начал постепенно погружаться, постепенно растворяясь в ней. В какой-то момент к погружению присоединилось чувство напряжения. Поначалу вполне терпимое, оно начало возрастать, с каждой секундой требуя всё больше внимания, пока не заполнило собой всё моё я.

Прорыв произошёл мгновенно. Напряжение лопнуло, и моё сознание окутал первозданный хаос. От неожиданности я чуть не выпал из медитации, с трудом удержав концентрацию в том безумии, где только что очутился. Хаос – я никогда раньше не касался этой стихии. Если и приходилось с ним сталкиваться, то лишь в бою.

Собрав всю волю в кулак, приступил к поиску сосредоточия, сердечного ядра. Нужно найти следы второй стихии, только она поможет мне упорядочить это безумие, окутавшее меня чадным пламенем.

Две стихии формируют ядро одарённого. Чаще всего противоборствующие, и одна всегда подавляет вторую, пусть и незначительно. Но бывает и так, как произошло с моим родным телом: воздух и вода – они гармонично сочетались, дополняя и усиливая друг друга.

Вода. Я почувствовал её через несколько минут поисков, ощутив зов знакомой стихии. А ощутив, уже не сбился с пути. Рывок, и сознание очутилось

в сосредоточии, впитав в себя всю силу ядра. Лишь невероятным усилием воли удалось пережить этот момент, не сойти с ума.

В крошечном, словно горошина, сосредоточии безраздельно властвовал хаос. Девять десятых ядра представляли собой кровавое пламя, смешанное с чёрным дымом. И лишь одна малая часть была заполнена изумрудным светом.

Увидев то, что хотел, я медленно скользнул по каналам назад, покидая сосредоточие. Вынырнув из медитации, открыл глаза и глубоко вдохнул. Невероятно, практически невозможно то, что мне удалось увидеть. Когда в сосредоточии одна стихия подавляет другую в два раза, одарённый сходит с ума или умирает в страшных муках. Возможен и третий вариант – лишение дара, но это также равно смерти. Почему же тогда я до сих пор жив и не потерял рассудок? Похоже, мне с этим придётся разобраться в первую очередь.

– Айлин справедливая, мне непонятен твой замысел, – прошептал я, уставившись в стену. – Может, ты хотела убить меня и получить мою бессмертную душу? Но я клянусь, что выживу. И ничто не помешает мне найти виновных в гибели моих…

Я оборвал себя на полуслове, услышав шорох. Кто-то топтался у входа в хижину. Замерев, прислушался, скосив взгляд на узкую щель. Похоже, ко мне пожаловали гости. Вон видно, как кто-то двигается с противоположной стороны покрывала, отгораживающего сумрак жилища от солнечной улицы.

– Да не сдох он, говорю же, – раздался чей-то шёпот снаружи. – Дед сказал, что дышит, правда, через раз.

– А может, не надо, Сахем? – прозвучал второй голос. – Если Фарида поймает нас, то никто не спасёт.

– Я должен прикончить этого выродка, Тир! Это его папаша, шакал, отрубил моему отцу руку, сделав инвалидом на всю жизнь. Я должен отомстить.

– Ну так и мстил бы ведьмаку, а не его отродью! – к двум голосам присоединился третий. – Или ты испугался, Сахем?

– Заткнись, Рахим! Не тебя отец лупит каждый день лишь потому, что у него жизнь не задалась.

– А ты думаешь, что, если прикончишь Фархата, папаша перестанет тебя бить? – За покрывалом раздался смешок, тут же прерванный звуком, похожим на пощёчину. До меня наконец дошло, что пришли ко мне, чтобы убить. Доделать то, что не получилось накануне, перед моим переносом в это исполосованное рубцами тощее тело.

Сжав зубы до скрежета, я, напрягаясь изо всех сил, заставил себя приподняться. Встречать смерть лёжа, как жертвенная свинья, предназначенная богу вина и пьянства, – худшее, что может произойти с воином.

В глазах потемнело от перенапряжения, но я смог, заставил себя сесть. Сбросив с лежанки ноги, отдышался, дожидаясь, когда вернётся зрение. Вставай, глава рода Тай Фун, ты должен достойно встретить свою смерть, глядя ей в глаза сверху вниз.

Ноги коснулись земляного пола, принимая на себя вес тощего тела. Сейчас я во всей полноте почувствовал, насколько слаб относительно себя прежнего. Покачнувшись, сделал шаг вперёд, и в этот момент покрывало распахнулось, впуская внутрь убийцу.

– Темень какая! – растерянно прозвучал голос Сахема.

Я не ответил. Я улыбался в лицо приближающейся смерти, сожалея лишь об одном. Мои близкие останутся неотомщёнными…

Глава 2

Знакомство с новым миром

– Ты где, отродье? – произнёс убийца, шагнув вперёд, и в этот момент циновка закрыла вход. В хижине вновь стало привычно темно, и я смог разглядеть вошедшего. Невысокий, на голову ниже меня, чересчур пухлый, даже жирный.

Но самое важное – он был без оружия. Осознав это, я, пошатываясь, сделал вперёд ещё один шаг.

– Сахем, ну ты чего там? – раздался снаружи испуганный голос.

– Да здесь ничего не видно! – Мой противник оглянулся. – Нищие выродки, в этом сарае нет ни одного окна.

Пока он разговаривал, я успел сделать ещё два шага, очутившись от врага на расстоянии вытянутой руки. План действий уже созрел в моей голове, и, когда мальчишка вновь повернулся ко мне лицом, я обхватил его голову ладонями, со всей силы вбивая оба больших пальца в глазницы.

– А-а-а! – истошно завопил Сахем и взмахнул руками снизу вверх, пытаясь отбить мои ладони. Разумеется, у него получилось это сделать, и я, покачнувшись, начал заваливаться на спину. Неужели всё?

– А-а-а! Он мне глаза выколол! – продолжал орать несостоявшийся убийца, рухнув на колени и обхватив лицо руками.

– Бежим отсюда! – раздалось снаружи, и это было последнее, что я услышал. Удар об пол лишил меня сознания в который раз…

* * *

В себя пришёл уже на лежанке. На удивление чувствовал себя относительно хорошо, никакой сухости во рту, да и боль в спине не беспокоила. Пошевелил руками, затем открыл глаза, осмотрелся. Сквозь щели в крыше свет не пробивается, зато на столе горит жировая свеча, наполняя хижину ужасной вонью. За столом сидят двое и о чем-то беседуют. Прислушался.

– Фарида, осталось немного потерпеть. Через два года должен прийти ведьмак и забрать твоего сына. Он заплатит столько, что ты до самой смерти не будешь нуждаться ни в чём. Отродья хаоса всегда платят за своих детей.

– Тимур, он выдавил глаза Сахему! Ты староста, лучше всех знаешь старого Хамзата. Думаешь, он простит такое?

– Ну, покалеченного единственного сына же простил? Вот и это простит. Завтра утром мои старшие соберут народ на центральной площади, и я напомню всем, что случается, если кто хочет убить отродье ведьмака. Глупцы. Раз в несколько лет из пустоши приходит воин хаоса, и за это время они успевают забыть, как трясутся от страха, забившись в самые тёмные углы своих лачуг. Не чтут правила и законы! Ведь ни одна мразь не принесла бы тебе и горсти зёрен в благодарность за твою жертву, если бы я не заставил их.

– И всё же я прошу у тебя, Тимур, защиты, – произнесла женщина, мать того несчастного, в чьём теле я очутился по воле богини.

– Я прикажу охотникам, чтобы они присмотрели за твоим жилищем, Фарида. – Мужчина поднялся с хлипкого, грубо сплетённого табурета. – А теперь мне пора, а то к ужину не успею.

– Спасибо тебе, Тимур, – произнесла мать, провожая гостя. У выхода они обменялись ещё парой слов, после чего староста вышел. Закрыв за ним циновку, женщина вернулась назад и устало опустилась на табурет, тихо проговорив: – У тебя хотя бы есть ужин.

– Мама, староста Тимур ушёл? – раздалось откуда-то из-за моей спины.

– Да, дочка. Спи, а то завтра проснёшься уставшей и не сможешь работать.

– Кушать хочется, – тихо ответила матери девочка.

– Знаю, мне тоже. Спи, утром поедим, – мать поднялась на ноги, подхватила глиняную плошку со свечой и подошла ко мне. Наши глаза встретились. – Фархат? Давно ты пришёл в себя?

– Давно, – ответил я. – Скажи, кто придёт за мной? Что за ведьмак?

– Такой же мужчина, как и твой отец, а может, и он сам, – устало произнесла женщина, присаживаясь на край лежанки. – Сильный, не ведающий страха, внушающий всем ужас. Я же рассказывала тебе.

– Зачем я нужен ведьмаку? – Задав ещё один вопрос, я почувствовал, что на меня накатывает усталость.

– Сынок, среди них нет женщин, способных рожать. Поэтому они раз в несколько лет посещают все селения великой пустоши, а потом забирают своих отпр… зачатых от них детей.

– Почему их боятся? Они столь ужасны?

– Они другие и опасные. Я не смогу объяснить лучше. Тебе нужно поговорить со старостой, он знает намного больше. А сейчас спи.

Женщина накрыла свечу, затушив её, после чего прошла к своей лежанке и, как есть, в одежде, легла. А через десять секунд я услышал её ровное, спокойное дыхание. Несколькими минутами позже уснула и сестра. Я же, изрядно отдохнувший за последние сутки, приступил к работе.

В этот раз смог воспользоваться одной из привычных мне практик, предназначенных для взаимодействия со стихией воды. Не так быстро, как хотелось бы, но всё же в разы быстрее, чем вчера, моё сознание скользнуло в сердечное ядро. Бирюзовый свет с радостью принял меня, пытаясь защитить от беснующегося алого пламени. Нет, моя старая подруга вода, не в этот раз. Сегодня я хочу познакомиться с хаосом, постараюсь поближе узнать эту переменчивую стихию, пока она окончательно не поглотила сосредоточие, превратив меня в кровожадное, обезумевшее существо.

Опираясь на дружественную стихию, я соприкоснулся сознанием с огненным безумием. Вспышка, наполненная болью, радостью, яростью и ещё десятком сильнейших эмоций и чувств. От неожиданности мне едва удалось приглушить вырвавшийся из груди стон. Еле удержался, чтобы не выпасть из медитативного состояния.

Одарённый, только ступивший на путь самосовершенствования, вряд ли смог бы выдержать натиск первозданного хаоса, и, скорее всего, стихия поглотила бы разум своего носителя. К счастью, моё сознание обладало богатым опытом, и я смог не только устоять перед ментальным давлением, но и ощутить саму суть этого живого безумия. В этот раз меня выручила извечная борьба с воздухом, силой, вечно жаждущей свободы.

Одним желанием, всей волей я обрушился на безумную стихию, выметая рыжее пламя из сердечного ядра. Вода, почувствовав свободу, воспрянула, попыталась развернуться, занять освободившееся пространство, но тут же получила от меня хлёсткий ментальный удар. У сосредоточия может быть лишь один хозяин – владелец тела.

Приготовившись встречать ответный удар от хаоса, я собрал всю свою волю в единый кулак. Но безумная стихия, вопреки моим ожиданиям, не ударила. Грубая сила, с которой я вытеснил из сосредоточия ставшее рыжим пламя, пробудила у хаоса жажду познания и радостное предвкушение. Моё сознание буквально затопило восторгом. Так могут радоваться лишь непоседливые дети, увидевшие нечто невероятное.

Спустя неопределённое время – может, вечность, а возможно, лишь несколько секунд – я неспешно покинул сердечное ядро, вернувшись в реальность. Стихия хаоса приняла меня. Не покорилась, нет. У меня сложилось впечатление, что её вообще невозможно привести к покорности. Во всяком случае, не с этим ослабленным телом и возможностями духа.

К чему откладывать то, что может сделать меня сильнее? К тому же подслушанный разговор матери и старосты подсказал, что впереди меня ждёт нечто, приводящее всех жителей посёлка в благоговейный ужас. Я не знаю, и вряд ли мне кто даст полный и развёрнутый ответ – кто такие ведьмаки? А значит, стоит подготовиться к этой встрече.

Стараясь не шуметь, я поднялся на ноги и, двигаясь как можно тише, доковылял до циновки, перегораживающей выход. Здесь мне пришлось повозиться с завязками, выполняющими роль замка, но я быстро справился с ними и наконец выбрался наружу.

Первое, на что обратил внимание, – это ночное небо. Яркие, невероятно крупные звёзды буквально усыпали весь небосвод, давая достаточно света, чтобы разглядеть окрестности. Я улыбнулся этим звёздам, вдохнул полной грудью ночную прохладу и лишь после окинул взглядом окружающий пейзаж.

Слева от нашей хижины простиралась равнина. Даже при свете звёзд я смог разглядеть, насколько она безжизненна. Лишь изредка то тут то там из засушенной пыльной земли росли чахлые, еле заметные кусты. И так

до самого горизонта. Воистину пустоши…

Напротив выхода из лачуги, в которой мне теперь предстояло жить, вдали возвышался остроконечный хребет горной цепи. Невысокой, такой же мёртвой, как и равнина. Во всяком случае, мне так показалось. К горам присмотрелся внимательнее и внезапно для себя понял – у меня очень хорошее зрение. В разы лучше, чем было у прежнего тела. Я без труда определил, что до подножия хребта чуть меньше двух километров и что он действительно низок – не больше четырёх-пяти сотен метров. Хм, ну хоть что-то у моего нового тела лучше, чем было раньше.

Справа, метрах в пятидесяти, начиналось селение. Десяток лачуг, разбросанных как попало и лишь незначительно отличающихся от нашей. А вот за ними были строения и посерьёзнее. Несколько домов, сложенных из чего попало, и один двухэтажный особняк из камня. Неказистый, словно сарай, он не вызывал какого-то уважения к себе, хоть и возвышался над другими строениями. Интересно, это жильё старосты?

– Эй, ты чего ночью шаришься?! – раздался позади строгий мужской голос. – Да ещё на окраину вышел. До охранной черты всего десяток шагов. Хочешь, чтобы тебя утащили твари… А, это ты, Фархат. Надо же, и правда выжил. Воистину, отродье хаоса так просто не убить. Я ж тебя на своих руках нёс, лично видел, как твоё дыхание угасает. А ты смотри, уже сам ходить можешь.

Обернувшись, я увидел трёх мужчин. Похоже, они только что вышли из-за нашей хижины. Делали обход селения, как ночная стража? Ну точно, у двоих на поясе тяжёлые дубины, а у третьего здоровенный топор.

– Решил ноги размять, – произнёс я, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

– Это хорошо, что ты поднялся, – похвалил меня владелец топора. – А то твои мать с сестрой не справляются с обязанностями троих жителей. Второй день дневную норму за тебя не успевают сделать. А вообще, я советую тебе не шастать по ночам. Мелкого иглозуба или шипохвоста охранная черта не остановит, а его укус гарантированно убьёт тебя.

Стражники, а точнее, их жалкая пародия, задержавшись лишь на время разговора, двинулись дальше. Мне в нос ударила вонь немытых тел. Хм,

мужчины в этом селении совсем не слышали о гигиене? Впрочем, здесь же серьёзные проблемы с водой, так что неудивительно.

Дождавшись, когда вся троица скроется с глаз, я приступил к восстановительной гимнастике. Сначала проверил тело на гибкость – наклоны, повороты, изгибы рук и ног. И был приятно удивлён. Да, большая часть растяжек недоступна, но для четырнадцатилетнего крестьянина результат гораздо выше среднего. Чем же приходилось заниматься Фархату, что он приобрёл такие навыки?

А вот с физической силой были проблемы. Нет, для своего веса, да ещё после недавнего падения, вполне неплохо, но меня это не устраивало. Требовалось набрать килограмм пять, а то и все десять мышечной массы, чтобы соответствовать минимальным требованиям, запрашиваемым в моём мире к вставшим на путь развития дара. В слабом теле не может быть качественно сформированных каналов, а значит, и центров силы.

Мне нужно найти много пищи с богатым содержанием белка. А значит, придётся отправиться на охоту. Судя по всему, здесь, в посёлке, с пропитанием большие проблемы. Как и с водой. Во всяком случае, в нашей хижине явно недоедают. А вот толстяк Сахем, наоборот, скорее всего, никогда не слышал, что такое голод. Да и троица только что виденных стражников, уверен, не жалуется на питание.

Следует обзавестись каким-нибудь оружием вроде копья. Возможно, таковое имеется в хижине, просто я не увидел его. Что ж, на сегодня тренировку следует закончить, а то меня уже шатает от усталости. Утром расспрошу Фариду, может, подскажет чего. А сейчас спать.

* * *

Проснулся от стука. Открыл глаза, скосил взгляд в сторону звука. Шумела Фарида, разжигая очаг. Не выдавая себя, я стал наблюдать, как женщина сноровисто работает. Было видно, что ей привычен такой труд. Вот она подбросила к разгоревшимся веточкам несколько плоских лепёшек, о происхождении которых тут же рассказал неприятный запах. К счастью, дым стремительно уходил в специально распахнутое отверстие в крыше, и хижину не заволокло едкой гарью. Так вот почему я не обнаружил дымоход.

Достав со стеллажа большую квадратную пластину, чем-то похожую на металлическую, Фарида установила её над пламенем, после чего прихватила со стола глиняный горшок и быстро начала выкладывать из него на самодельный противень зелёные шарики, слегка приминая их ладонью. Опустошив горшок, женщина сменила его на деревянную лопатку и замерла в ожидании.

Через минуту на противне заскворчало, и бывшие шарики были тут же перевёрнуты. С верхней стороны они уже перестали быть зелёными, обзаведясь поджаристой корочкой. До моих ноздрей наконец дошёл аромат готовящейся пищи, и желудок тут же отреагировал на него бурным урчанием. И, судя по повторившемуся звуку, не у меня одного.

– Вставайте, сони, сейчас будем завтракать. – Голос Фариды был полон заботы. Именно в этот момент я понял – эта женщина одинаково сильно любит и дочь, и сына, тело которого я занял. Что ж, не будем расстраивать заботливую мать.

В памяти всплыла сцена, как мои сыновья, ещё совсем маленькие, пыхтя от усердия, помогают своей матери заполнить клумбу землёй. Айвен только им и мне позволяла трудиться в своём саду…

– Сегодня пойду работать, – произнёс я, невероятным усилием прогоняя воспоминания и поднимаясь с лежанки. Повёл своими худыми плечами, повертел головой. После ночной разминки мышцы слегка ныли, но это были приятные ощущения, напоминающие, что тело послушно. Зато боль, терзавшая мою спину и позвоночник, практически исчезла. Видимо, стихия хаоса, с которой я вчера познакомился, решила подлатать сосуд, в котором находилась. А ведь самолечением, насколько я знал, могли пользоваться лишь одарённые, сформировавшие третий большой узел. Многие десятилетия ежедневной практики.

– Ты уверен, Фархат? – с тревогой в голосе спросила мать. Да, именно мать, так я буду называть эту женщину.

– Да, мама. Спина и голова почти перестали болеть. Лёгкую работу уже смогу выполнить.

– Тогда возьму тебя сегодня с собой, а Маринэ пойдёт на сбор скальных мух.

– Ура! – обрадовалась девчонка, до этого молча пытавшаяся расчесать свои густые, на удивление чистые волосы. Поймав мой вопросительный взгляд, сестра с хитрой улыбкой ответила: – Там можно будет поесть, пока никто не видит.

– Главное – сделай дневную норму и не попадись старшим, – нахмурилась Фарида. – Так, завтракайте быстрее. Чем раньше выйдем, тем лучше. Хорошо, что ты, сынок, так скоро поправился. В прошлый раз, когда тебя покусал иглозуб, мы две недели голодали.

– Мам, я сейчас скажу одну вещь, ты только не расстраивайся, – произнёс я, придав голосу максимально серьёзный тон. – Я вообще ничего не помню, что со мной было до падения.

– Я так и подумала, когда ты вчера вышел наружу, в ночь, – с грустью в голосе сообщила Фарида. – И Маринэ говорила, что ты задавал ей странные вопросы.

– Что, прям совсем-совсем ничего не помнишь? – ко мне подскочила сестра. – А как глаза Сахему выбил, помнишь?

– Фархат защищался! – повысила голос мать. – С этим даже старый Хамзат согласился и дал зарок, что не станет мстить. И запомни, Маринэ, чтобы ни слова про этот случай нигде не звучало. Ясно?!

– Хорошо, мам, – девчонка тут же приуныла. – Давайте уже есть.

Завтрак был сытным, хоть и невкусным. Дожевав травянистые шарики, похожие на жареную морскую капусту, я сделал свои пять глотков воды. Поблагодарил мать и собрался было выйти наружу по нужде, но вспомнил про свои ночные размышления.

– Мама, а я ходил на охоту? У меня было копьё или другое оружие?

– Ходил, как же. Два года назад, один раз, – с горечью произнесла Фарида. – Тогда-то тебя и поранил шипохвост. Вон шип до сих лежит в кладовой, можешь посмотреть. А копьё, что ты смастерил, мы пустили на дрова на следующий же

день после твоей неудачной охоты. Ты что, решил ещё раз испытать удачу?

– В селении все мужчины охотятся? – вместо ответа задал я встречный вопрос.

– Что ты! – мать всплеснула руками. – У нас всего семь настоящих охотников да шестеро сборщиков, не боящихся далеко отходить от селения. Будь их больше, наш оазис не голодал бы во время засухи.

– Я понял. Охота – очень опасное занятие, на которое мало кто решится, – произнёс я, приблизившись к стеллажу. Взгляд почти сразу зацепился за длинный веретенообразный шип длиной сантиметров пятнадцать. Ну, хоть какое-то оружие.

– Я пошла работать! – крикнула сестра от выхода и тут же исчезла за циновкой. Мать проводила её хмурым взглядом, покачав при этом головой. Сестра, сама того не ведая, позволила мне забрать шип и незаметно спрятать за пазуху, воткнув в грубую ткань одежды, словно крупную булавку.

– Пойдём и мы, сынок. Нам не стоит спешить, ведь я ещё должна рассказать, что мы будем делать на ферме и какие там правила.

Каково было моё удивление, когда я покинул хижину. Я рассчитывал увидеть множество незамеченных вчера подробностей, таких как ограда, камни, приметные места на стенах хижин. Но, осмотревшись, понял, что всё успел заметить в ночное время. Получалось, что моё зрение позволяло видеть ночью не хуже, чем днём? Что ж у меня за глаза такие? Неужели один из самых сложных узлов уже сформирован?

– Какая встреча! – раздалось со стороны посёлка, отвлекая меня от размышлений. Повернувшись на голос, я увидел толстого мужчину, ковыляющего к нашей хижине странной походкой. Так передвигаются люди, у которых серьёзная травма ног или от рождения сильный дефект. А ещё у человека не было правой руки. Конец пустого рукава был заправлен за пояс, откуда его пытался выдернуть ветер. Мне сразу стало ясно, кто пожаловал к нам в гости. Папаша Сахема.

– Что тебе надо, Хамиз? – Голос матери зазвенел сталью.

– Да уж не твои обвисшие прелести, подстилка хаоса! – рассмеялся однорукий. – Я пришел спросить с твоего поганого щенка, за что он покалечил моего сына?

Не знаю, как бы повёл себя в сложившейся ситуации настоящий Фархат, но в моём мире за подобные оскорбления в адрес твоей матери брали лишь одну плату – кровь оскорбившего. А учитывая, что однорукий пришёл причинить вред лично мне, я, ухватив мать за руку, тихо произнёс:

– Мама, это мужской разговор.

И шагнул вперёд, навстречу однорукому толстяку. В правой ладони уже лежал шип, доставшийся мне от шипохвоста, и я знал, как его применить.

Глава 3

Договор

– Сынок, он убьёт тебя! – раздалось за спиной. И столько в этих словах было страха за мою жизнь, что я понял – однорукого нельзя оставлять в живых.

– Хо-хо! Щенок решил показать зубы? – расхохотался толстяк и потянулся левой рукой к поясу, на котором висели ножны. Нет, не с мечом, всего лишь с небольшим ножом. Лезвие не больше ладони взрослого мужчины, правда, очень широкое. Ну, чего ты медлишь, доставай своё оружие, дай мне весомый повод!

– Зря мой отец отрубил тебе только руку. Надо было кое-что ещё, чтобы твоя жена не могла принести от тебя потомство, – произнес я с презрением.

– Убью! – взревел Хамиз, рывком извлекая из ножен клинок. Я тут же увидел, что лезвие ножа покрыто кровавыми разводами. Что это значит, я не успел обдумать, потому как на меня набросились с криком: – Щенок! Я порежу тебя на куски!

Уже позже, анализируя свой поступок, я понял, что моими действиями в это утро руководила стихия хаоса. Сейчас же я видел перед собой врага, жаждущего моей смерти, и знал, как оборвать жизнь этому однорукому толстяку.

От широкого, неуклюжего замаха однорукого ушёл легко – чуть отклонил корпус назад, и лезвие ножа вспороло лишь воздух. Не мешкая, тут же сократил дистанцию, почти вплотную приблизившись к жирдяю, и нанёс короткий удар в одно из самых уязвимых мест на теле. Нормальный человек легко бы уклонился от моего выпада или заблокировал его рукой, да просто оттолкнул бы меня ногой, но только не толстяк. Он явно перебрал накануне какого-то пойла и крайне плохо владел своим телом. А потому шип, не встретив никаких препятствий, легко вонзился в слуховое отверстие.

– Ах-р! – коротко вскрикнул Хамиз и, выронив нож, потянулся рукой к уху. Я в этот момент уже был за спиной противника. Резким движением, заламывая шип, вырвал его из раны, стараясь нанести как можно больше повреждений. Ожидал громкого крика боли, но толстяк лишь всхлипнул и внезапно рухнул на колени, тоненько заскулив. Всё, не жилец, похоже, шип вошёл слишком глубоко в голову и при извлечении повредил что-то жизненно важное. Но мне всё равно не следует останавливаться, нужно довести начатое до конца.

Перехватил поудобнее шип и вогнал его с другой стороны головы, во второе ухо. Снова рывок, и я едва успел отскочить в сторону, чтобы сотрясающееся в конвульсиях тело врага не придавило мои босые ноги. Всё, на этот раз Хамизу не поможет даже одарённый, владеющий стихией жизни.

Почувствовав в левой ладони жар, я перевёл взгляд на руку и нахмурился. Шип на моих глазах обугливался, осыпаясь сажей. Я даже не успел выронить его, как он сгорел дотла, оставляя на ладони лишь чёрный след. Не может быть! Стихия хаоса неведомым образом усилила моё смехотворное оружие? Но так не бывает!

Отряхнув руки, я склонился над телом однорукого толстяка, изучая его голову. Творец всемогущий! Из ушей поверженного врага не шла кровь, вместо неё вверх поднимались две струйки едкого, вонючего дыма.

– Ты… Ты убил его, – как-то слишком спокойно произнесла мать.

– Ты видела, он первый решил напасть. Я всего лишь защищал наши жизни, не больше.

– Старый Хамзат не простит, – не слушая меня, продолжала говорить Фарида. – Он будет давать нам плохую воду, пока мы все не умрём. Но почему? Почему Хамиз ослушался отца? Он же боялся его больше, чем твоего отца, Фархат.

– Убили! – раздалось из посёлка. – Колодезного убили!

* * *

Лишь к вечеру, когда солнце опустилось к горизонту, жители селения немного успокоились. Разумеется, ни я, ни мать не пошли в этот день на работу и раз за разом пересказывали старосте и охотникам, как на нас напал однорукий лентяй. Но не это было главной темой для разговоров. Сейчас селян занимало другое – кого Хамзат выберет в свои преемники?

А началось всё со вчерашнего вечера, когда старый колодезный, ранее планировавший передать секреты своего ремесла единственному внуку, решил всё же поделиться своими знаниями с сыном. Тот на радостях всю ночь набирался местным пойлом – брагой из сладкой бачачи, а под утро решил прикончить отца, чтобы полноценно занять его место, стать новым колодезным.

Хамиз дважды ударил спящего старика ножом и, не останавливаясь на достигнутом, отправился устранять главное напоминание его ущербности – отродье хаоса. То есть решил меня убить. Дальнейшие события я уже видел своими глазами.

Старый Хамзат, к счастью всех селян, выжил, отделавшись двумя колотыми ранами. И вот, раскинувшись на своей лежанке, поверх десятка шкур, колодезный пристально всматривался в лица детей, выбирая своего преемника. Я тоже присутствовал здесь, но именно в мою сторону старик предпочитал не глядеть. Ещё бы, ведь именно из-за меня на самую богатую семью в селении разом свалилось столько бед. Будь воля колодезного, я, скорее всего, был бы уже мёртв. Вот только старший сын старосты, стоящий за моей спиной, был готов объяснить каждому, почему нельзя трогать проклятое отродье хаоса.

– Я передам свои знания двум жителям деревни, – наконец заговорил старик. – Бахруму, внуку уважаемой Сахи, кормящей всех нас со своих плантаций. И Маринэ, дочери Фариды с окраины. Сегодня посёлок чуть не лишился последнего колодезного, и такого больше не должно повториться. Я стар и долго не проживу, но постараюсь передать все знания, что сохранил мой разум. С этого времени за колодцем будут приглядывать по очереди две семьи.

Мне было противно смотреть на старого ублюдка, решившего через сестру отомстить за смерть своего выродка. И ведь как обстряпал всё, никто и помыслить не сможет, что он затаил недоброе. Ну уж нет, старик, из-за меня всё началось, а значит, придётся показать ему, чего на самом деле стоит бояться. У тебя, Хамзат, ещё есть две мелких внучки, что с ужасом поглядывают в мою сторону из соседней комнаты. А за ними полноватая женщина, не отводящая от меня ненавидящего взгляда. Ещё бы, я убил её мужа и сделал слепцом единственного сына. Где-то там есть и старуха, жена колодезного.

В зале поднялся шум – собравшиеся начали бурно обсуждать решение старика, что было мне только на руку. Растолкав стоящих передо мной селян, я прошёл к ложу старика, склонился над его ухом и прошептал:

– Хамзат, если хотя бы волос упадёт с головы моей сестры по твоей вине, я скормлю твоих родных мутантам из пустоши. Живьём скормлю. Пока одних станут пожирать, другие будут наблюдать за процессом. А ты сдохнешь последним.

– Будь ты проклят, отродье хаоса, – так же шёпотом ответил колодезный. – Надеюсь, твоя жизнь будет короткой и мучительной.

– Ты этого уже не узнаешь. – Встретившись с блёклыми, выцветшими глазами старика, я кровожадно улыбнулся. – Бойся за своих родных, старик. И не вздумай сейчас изменить своего решения. Моя семья слишком долго страдала из-за вас, поганых выродков. Бойся, Хамзат.

Выпрямившись, развернулся и двинулся к выходу. Позади раздавались сдавленные ругательства Хамзата, а на меня смотрели внезапно умолкнувшие дети. Ещё бы, моей семье только что была оказана величайшая честь, а я не оценил и, даже наоборот, разозлил старого колодезного.

Странно, что всё это вдруг стало волновать меня. Неужели вновь хаос влияет на мои решения? Что ж, в этом селе только два человека проявили обо мне настоящую заботу, а я привык на добро отвечать добром.

Протиснувшись сквозь молчаливую толпу, покинул комнату. Спустился по ступеням на первый этаж, про себя отметив, насколько они неестественно холодные, пересёк тёмный холл, освещаемый лишь из двух окошек-бойниц, и потянул на себя железную дверь. Та со скрипом отворилась, выпуская меня из прохлады в жаркий день. Подошвы ступней, едва коснувшись нагретой за день почвы, отозвались благодарностью. Да, похоже, моё новое тело не привыкло к холоду.

– Сынок, с тобой всё хорошо? – ко мне тут же бросилась мать. Её по какой-то причине не пустили внутрь. Надо же, я источник всех бед этой женщины, а она переживает за меня так же, как любая мать за родное дитя. Причём искренне, я это видел по её глазам.

– Мама, нашу Маринэ назначили в ученицы к Хамзату, – прошептал я на ухо Фариде. – Но ты не бойся, я позабочусь, чтобы у неё всё было хорошо.

– Но как? – Мать едва сдержалась от возгласа.

– Старик просчитался. Пойдём отсюда, нам следует кое-что обсудить. Дома поговорим.

* * *

Нашим планам помешал староста. Он заявился почти сразу, едва мы вошли в свою хижину. Я даже не успел прилечь, желая успокоить внезапно разболевшуюся спину.

– Фарида, выйдите с дочерью, – приказал глава поселения, едва переступив порог. – Мне нужно поговорить с твоим сыном.

– Тимур, он ни в чём не…

– Я сказал, выйди! – повысил голос староста. Женщина, опустив голову, ухватила Маринэ за руку и двинулась к выходу. Уже снаружи до моих ушей донёсся её голос:

– Он всего лишь защищался.

– Защищался, конечно. Силой хаоса, – проворчал в ответ старейшина. Подхватив колченогий табурет, он повернулся ко мне, уже поднявшемуся с лежанки, и криво усмехнулся: – Присаживайся, разговор предстоит непростой, а ты и так устал, вон всего аж качает.

Я принял предложение Тимура, усаживаясь поудобнее. Глава селения сел напротив, в метре от меня, и мы долгое время играли в гляделки. Первым отвёл глаза старейшина, не выдержав моего взгляда.

– Ох ты ж, и вправду говорят, хаос меняет не только тело и разум, но ещё и душу. Давай рассказывай, парень, чем ты убил толстяка Хамиза. И не говори, что не знаешь, у сына Хамзата череп изнутри выжгло.

– Шипом, добытым из шипохвоста, – не стал я скрывать.

– Надо же. И всё? – с нескрываемой иронией уточнил Тимур.

– Игла потом у меня в руках сгорела.

– А вот это уже совсем другой разговор. Значит, ты заметил проявление хаоса?

– Что-то заметил, – пожал я плечами и показал ладонь: – Когда шип загорелся, я руку слегка обжёг, но сейчас ни следа от ожога ни осталось.

– Уже хорошо. После убийства о чём думал? Может, тебе хотелось чего-то?

– Защитить семью, больше у меня не было никаких мыслей.

– Нет, так у нас разговора не получится, – старейшина потёр подбородок. – Скажи честно, ты хотел убить ещё кого-нибудь, кроме Хамиза?

– Нет. Но старому Хамзату намекнул, что убью всю его семью, если он сделает Маринэ что-нибудь плохое.

– Это другое. А что-нибудь странное перед глазами видел? Закорючки необычные?

– Буквы? – уточнил я. – Нет, не видел.

– Может, цифры? – глава поселения весь подобрался, как коршун. Хорошо, что в хижине было темно и собеседник не видел моих глаз.

– Нет, ничего не видел, – вновь соврал я. Ох уж эти вопросы. Заставят рисовать увиденное, и всё, я, считай, попался. Не надо местным знать, что в теле ребёнка скрывается сознание человека из другого мира.

– А, ты про цифры. Хм. Спонтанное проявление хаоса, но ты не позволил стихии взять себя под контроль и даже не видел посланий. – Тимур, кряхтя, поднялся на ноги и принялся ходить туда-сюда, от одной стены хижины к другой, ворча себе под нос: – Убил, а после убийства обычно хаос управляет телом отродья и творит страшные вещи. Странно. И до прихода ведьмака ещё два-три месяца. Нет уж, столь долгий срок пробуждённый не выдержит, начнёт притягивать неприятности, словно прорыв защитного круга. Надо послать сигнал. А что, если это ошибка? Ничего, потерпим.

Я смотрел на мечущегося из стороны в сторону главу и понимал – сейчас решается моя судьба. Нет, не что-то глобальное, а ближайшие несколько дней, может, недель. И за это время нужно подготовиться. К чему? Да хотя бы к визиту того, кто должен будет меня забрать отсюда. То, что стихия хаоса занимает в моём сосредоточии значительный объём, насторожит любого одарённого. В моём родном мире адептов с таким сильным перекосом обычно изолируют или убивают во избежание серьёзных проблем. Здесь, я более чем уверен, меня прикончат сразу.

– Фархат, ты оглох? – с нажимом спросил староста, пристально глядя на меня. – Я говорю, с сегодняшнего дня вход в село для тебя закрыт. Не переживай, всё у тебя и твоих родных будет хорошо. Мои сыновья лично проследят. Да, с ровесниками тоже старайся не заводить разговоров. Впрочем, вряд ли кто из детей осмелится подойти к вашей хижине. Всё понял?

– Да, – ответил я, порадовавшись, что у меня появилось много личного времени.

– Вот и хорошо, – по-доброму произнёс староста, после чего крикнул: – Фарида, вы можете заходить!

* * *

Наконец я смог остаться наедине с собой. Мать с сестрой, изрядно вымотанные сегодняшними событиями, уснули почти мгновенно, едва добрались до своих лежанок. Выждав на всякий случай ещё немного, я выскользнул наружу и, сделав несколько шагов вдоль хижины, опустился у стены. Усевшись максимально удобно, достал из-за пазухи небольшую палочку и зажал её зубами. Всё, готов. Этой ночью мне предстояла крайне опасная и тяжёлая работа.

Освободив разум от посторонних мыслей, одним желанием скользнул в сердечное ядро. И меня тут же чуть не выбило обратно из-за увиденного. В сосредоточии безраздельно властвовал хаос. Лишь маленький, скорее даже крохотный, бирюзовый островок держался в этом безумном море рыже-алого пламени.

Переместившись на крохотную часть, занятую стихией воды, я приступил к тому, что надо было сделать ещё в прошлый раз.

Водная практика, направленная на укрепление стихии, ничуть не потревожила беснующийся хаос. Не отреагировало пламя и на последующие за первой три практики. А вот пятая по счёту заставила безумную стихию возмутиться. Значит, пора.

Сложная энергетическая конструкция почти полностью поглотила в себя бирюзовую стихию. Рискованный момент, но я знал – хаос не сможет сломать пять защитных барьеров даже за дюжину ударов. А он, судя по всему, пока лишь проявлял любопытство. Что ж, тем лучше. ВСПЛЕСК!

Сердечное ядро начало стремительно наполняться бирюзовой стихией, которая неумолимо выдавливала хаос из сосредоточия. Безумное рыжее пламя,

не ожидавшее такого развития событий, не успело отреагировать. В итоге две трети ядра оказались заполнены стихией воды, и в этот раз она не собиралась уступать занятую территорию. Я же, получив доступ к большему объёму силы, тут же обратился ещё к одной практике. Она обладала рангом первой звезды и имела своё название – «Ледяной панцирь». Да, риск для новичка – прибегать к столь сильным практикам, но у меня не было выбора.

Хаос в моём теле наконец осознал, что произошло, и обрушился на конкурента со всей своей первозданной мощью. Поздно. Сильнее стиснув зубами деревяшку, я приступил к созданию панциря. Память услужливо подсказывала порядок действий, мысли были послушны моей воле, и в момент, когда рыжему пламени оставалось сломать предпоследний защитный барьер, сосредоточие разделилось надвое непроницаемой ледяной преградой. Я одержал свою первую, хоть и такую незначительную победу.

Выплюнув смятую, расколовшуюся деревяшку, я глубоко вдохнул ночной воздух. Сколько времени моё тело находится здесь, словно неподвижная статуя? Час? Три? Неважно. Главное, у меня в запасе имеется немного времени, чтобы заняться своим больным, искалеченным телом. И в этот раз я буду использовать гимнастику, усиленную стихией воды. Эх, жаль, что кругом лишь пустошь, где-нибудь на берегу озера я бы обуздал стихию хаоса за несколько дней.

* * *

На горизонте уже начало алеть небо, когда я закончил. Плоды ночного труда – исправленное левое предплечье, имевшее неверно сросшийся перелом, из-за чего был сильно повреждён один из ключевых проводников энергии. Восстановление энергетического канала займёт гораздо больше времени, но для этого уже не потребуется проводить ночи без сна. Всё исправится постепенно само, нужно лишь помогать время от времени.

А ещё я увидел причину того, что у меня такое хорошее зрение. В центре моей головы находился стихиальный узел. Я, потративший многие десятилетия на формирование своего энергетического тела, прочитавший десятки научных трудов, написанных величайшими мужами, впервые увидел центр силы, расположенный не у родничка, не в теменной части головы, а именно в центре черепа. И он, что удивительно, был сам по себе. Ни хаос, ни вода не могли к нему прикоснуться. Стихии окутывали энергетический узел, но даже

не соприкасались с ним. Особенность местных одарённых? Подарок богини справедливости? Или родовое усиление, доставшееся носителю тела от отца? С этой загадкой мне также предстояло разобраться. Не сейчас, гораздо позже.

Проскользнув за циновку, я тихой мышью пробрался к своей койке и наконец лёг. Вот только спать, как это бывает после долгого тяжёлого труда, совершенно не хотелось. К счастью, у меня было чем заняться. Засунув руку под слежавшуюся сухую траву, я осторожно извлёк трофейный нож, доставшийся от первого убитого мной в этом мире врага. Очень непростое оружие, которого здесь попросту не должно быть.

– Откуда ты здесь, осколок моего мира? – еле слышно прошептал я, разглядывая ритуальный клинок. Там, откуда я родом, такие ножи использовали жрицы богини Айлин, чтобы прекратить страдания умирающих на поле боя. Избавление – так называлось это оружие…

Глава 4

Становление будущего ядра

– Сынок, просыпайся! Пора завтракать! – раздался надо мной голос матери.

– Встаю, встаю, – произнёс я, с трудом разлепляя веки. Ещё одно утро без умывания и привычных мне процедур. Жить в этом суровом мире – не лучшее времяпровождение. Впрочем, отсутствие воды не самое худшее.

Сегодня вновь были травяные лепёшки. Скудные, их явно недостаточно, чтобы восполнить все потребности организма, особенно моего. Активное вмешательство в тело требовало массу жизненной энергии, которую нельзя было восполнить из сосредоточия.

А вот небольшая кружка воды оказалась приятным дополнением к завтраку. Даже непривычно стало почувствовать обманчивую тяжесть в желудке.

– Что тебе сказал Тимур? – наконец решилась заговорить мать, когда мы уже заканчивали приём пищи.

– Сказал, что мне нежелательно появляться в посёлке и вообще разговаривать с его жителями. А ещё сказал, что он вызовет ведьмака.

– Сегодня вызовет? – мать всплеснула руками. – Пойдёмте скорее на улицу, наверное, староста уже сделал это.

Покинув хижину, мы замерли, уставившись в сторону селения. От центра, с того места, где стоял каменный особняк, в небо поднимался чёрный столб дыма. Более метра в обхвате, он выглядел как огромная колонна, подпирающая серо-голубое небо. Такой столб должен быть виден издалека, за десятки километров.

– Сигнальный дым. Обычно его разжигают, если прорван защитный контур и селение подверглось нападению, – пояснила Фарида. – Таким способом в анклавах призывают ведьмака.

– Они сильно отличаются от людей? – поинтересовался я, отметив про себя новое обозначение – анклав. Учитывая, насколько непослушна стихия хаоса, вполне вероятно, что тела местных одарённых претерпевают сильные изменения.

– Нет, что ты, – мать по-доброму улыбнулась. – За всю жизнь я три раза видела ведьмаков, и всегда они были похожи на нас. Только нос отличает их от простых селян. Такой же большой, как у тебя.

Я невольно дотронулся до своего лица. Ну да, у всех местных носы приплюснуты, а мой – как у обычного человека из моего мира. Странно это.

– Ну всё, через семь дней, максимум восемь, здесь появится ведьмак, который заберёт тебя, – с грустью произнесла Фарида.

– А что ждёт там, куда меня заберут? – поинтересовался я.

– Нам, простым смертным, это неизвестно, – ответила мать. – Может, староста что-то знает, спроси у него. Говорят, его в наше село привёл ведьмак, после смерти предыдущего главы посёлка. Тогда мор был, многие умерли… Ох!

– Мам, ты чего? – с тревогой спросила сестра.

– Так за вызов ведьмака, если он ложный, главу посёлка обычно казнят. Выходит, Тимур сильно рискует. – Фарида взмахнула руками, словно отгоняя нечто незримое. Надо же, впервые увидел жест, намекающий на присутствие в этом мире некой незримой силы. Интересно, это боги или какие-нибудь духи? Справедливая Айлин, как же мало я знаю…

– Мам, так я пойду? – жалобно-нетерпеливым голосом спросила Маринэ. – Сегодня первый день моей учёбы у зловредного Хамзата.

– Иди уже. Заодно послушаешь, что люди говорят в посёлке. За водой все ходят, каждый что-нибудь да произнесёт. И держись подальше от Сахема. Поговаривают, он совсем злобный стал, старый колодезный даже запер его в клетке.

– Да не, со мной везде будет ходить Бахрум, он сильный, в обиду не даст. Он всегда со мной хорошо общался и даже защищал от своры Сахема, когда брат был болен.

– Мама, он действительно хороший? – спросил я у Фариды. Сестра может сказать что угодно, глупая ещё.

– Да уж лучше многих. Это он, кстати, тебя от скал помогал нести, пока охотники не подоспели. Ах, ты ж ничего не помнишь. Вы с ним даже дружите, а почтенная Саха постоянно запрещает сыну таскать нам еду. Если бы не он, нам бы совсем туго пришлось. Ладно, сынок, мне тоже пора идти. Там, за циновкой, есть твоя порция воды, можешь выпить. И вчера Тимур принёс вяленого мяса. Я хотела приготовить похлёбку, но ты можешь съесть оттуда немного, если сильно проголодаешься. Староста сказал, что после пробуждения твоё тело будет требовать намного больше пищи, и теперь нам станут выдавать не только мох иши, но и корнеплоды моку.

Сестрёнка давно уже исчезла из поля зрения, да и Фарида вот-вот должна была скрыться за одной из хижин, а я продолжал разглядывать сигнальный дым. В голове роились мысли, по большому счёту неважные, лишь отвлекающие от главной цели. Нужно продолжить восстановление тела. И ведь мне выпал идеальный шанс заниматься исцелением себя в одиночестве, без посторонних

глаз.

Очистив разум от постороннего, маловажного, я развернулся и зашагал назад. Только не в хижину, а за неё, в тень. Хоть солнце уже и поднялось довольно высоко над горизонтом, всё же у меня была два-три часа в запасе. И их следовало потратить на разминку.

* * *

Удивительный результат показало моё новое тело. Нет, ничего сверх тех упражнений, что я смог выполнить ночью. Просто мне в этот раз удалось отметить, как экономно организм расходует внутреннюю жидкость. Ни капли пота не упало на пыльную землю. Да и я при всей навалившейся усталости не ощущал жажды. Не иначе, это хаос вновь вмешался в естественный ход вещей.

Закончив тренировку, я решил укрыться в хижине, чтобы спокойно поработать со сосредоточием. Увы, но это не удалось сделать сразу, так как у меня были гости. Двое мальчишек, крепко сбитых и значительно уступающих мне в росте. Ещё одно отличие от местных, все они были слишком низкими.

– О, Фархат, а мы к тебе, – растерянно произнёс один из мальчишек, и по голосу я понял – это те самые дети, что приходили с внуком колодезного. Сейчас они выглядели испуганно, явно чувствовали себя неуютно рядом со мной.

– Тир и Рахим, – произнёс я, вспомнив имена подростков. – Зачем пришли? Разве вас не предупредили, что подходить ко мне запрещено?

– Да знаем мы, – ответил мне второй паренёк, чуть осмелев. – Тут такое дело, Фархат. Ты же не в обиде на нас? Ну, мы ж всегда сдерживали Сахема, отговаривали его от мести. Помнишь, он был просто одержим желанием расправиться с тобой и даже бил нас, если мы ему мешали. И со скалы он тебя столкнул, нас даже рядом не было.

– А, всё понял, – усмехнулся я, размышляя, что полезного могут добыть эти два крестьянских ребёнка. Пища? Нет, нужно что-то более весомое и нужное. Да, я же хотел сделать копьё!

– Ну, раз понял, ты только скажи, мы мигом всё сделаем, – обрадовался Тир.

– Руку подними над головой, – мой голос со скучающего сменился на требовательный. – Выше! Вот так. Теперь запоминайте. Мне понадобится древко для копья, такой длины, как ты, Тир, сейчас показываешь. Если нет уже сделанного, подойдёт качественная заготовка. И ещё нужно несколько метров прочной тонкой верёвки. Принесёте, и я забуду обо всех наших разногласиях. Нет – и я вернусь однажды в посёлок, чтобы припомнить кое-что.

– О, древко у нас есть! – обрадовался Рахим. – Сахему оно всё равно уже не пригодится, да и лучше в округе заготовки не найти. И верёвка, и клей есть. Только наконечника нет, его старый Хамзат отобрал несколько дней назад.

– Тогда завтра жду от вас выполнения вашей час… – я прервал себя на полуслове, услышав стремительно приближающийся шум.

– Все в укрытие, быстро! – зашумел Тир и метнулся к входу в хижину. Рахим последовал его примеру, ну а я вынужденно направился за ними. Подростки явно знали больше меня и неспроста начали прятаться. Уже из жилища я всё же высунул голову наружу и осмотрелся.

То, что издавало столь мощный гул, стремительно приближалось к селению по воздуху. Сначала я решил, что это дракон – приходилось слышать об этих древних мудрых созданиях, по силе равных богам. Но нет, те не могли издавать столь долгий и монотонный гул, больше подходящий какому-то сложному механизму.

– Фархат, спрячься, иначе иносы тебя увидят и убьют! – Рахим попытался утянуть меня от входа, но был тут же прерван Тиром.

– Ты что несёшь?! Иносы не трогают ведьмаков, это каждому известно. Фархат, что ты там видишь? Расскажи, а?

– Вот принесёте древко, верёвку и клей, тогда и расскажу, – ответил я, наблюдая, как большая металлическая махина длиной около сорока метров проплывает чуть в стороне от селения. Мне даже удалось увидеть солнечные блики на стёклах искусственного сооружения, механического летуна. Ты смотри,

на дым, что ли, прилетели? Но кто они такие, эти иносы?

– Это они на сигнальный столб подтянулись, – подтвердил мои догадки Тир. – Наверное, решили, что у нас прорыв защитного контура и можно будет посмотреть, как твари пустоши пожирают селян.

– Уроды, – зло процедил Рахим. – Ненавижу.

– Тихо ты, вдруг услышат, – прошипел более рассудительный подросток, и они оба умолкли. Я же ещё несколько секунд следил за удаляющимся механизмом, а в этот момент размышлял. Куда мою душу забросила богиня? Что за странный мир?

* * *

Неизвестный летающий механизм исчез через полчаса, оставив после себя в небе серо-белую полосу. Мир, в котором никогда не бывает дождя, этот след – словно насмешка над природой…

– Ну что, вам пора возвращаться домой, – обратился я к притихшим подросткам. – А завтра днем жду вас, как договорились.

– Ох и прилетит мне от отца, – сообщил Тир. – Сейчас по селу перекличка, и почтенная Саха точно обнаружит, что мы сбежали с плантации.

– Бежим скорее, может, ещё успеем! – крикнул Рахим, и оба подростка наперегонки бросились прочь от моей хижины. Что ж, надеюсь, они действительно принесут что-то полезное, а не кривую палку и обрывок старой верёвки.

Закрыв циновку, я прошёл к одному из опорных столбов, составлявших каркас нашего жилища. Усевшись так, чтобы спина опиралась о твёрдое, приступил к медитации. Работа с сосредоточием требовала спокойного, ясного ума и максимальной концентрации. Особенно мне, владельцу стихии хаоса. Нет, даже не владельцу, а скорее слуге. Ну ничего, мы это исправим.

В этот раз сознание легко нырнуло в сосредоточие и тут же очутилось за преградой «Ледяного панциря», среди бирюзового, мягкого света. Хм, а ведь держится однозвёздная практика, нет ни намёка на трещину в защите. Что ж, тогда можно осмотреть канал силы, который я совсем недавно начал восстанавливать.

Удивительно! То, что должна была делать стихия воды, взял на себя хаос. Я думал, что обезумевшая стихия будет раз за разом биться о преграду, желая снести её, уничтожить, но всё оказалось иначе. Алое пламя, окутав повреждённый канал, вливало в него всю силу, восстанавливая. Увы, не так, как надо, а на свой лад. Что ж, попробуем помочь, направить.

Соприкоснувшись с хаосом, я почувствовал исходящую от стихии радость. Как от большого добродушного зверя, внезапно осознавшего, что он не один. Увы, но, кроме этого чувства, больше не было ничего, и на то имелись причины. Я не знал ни одной, даже самой простейшей техники, чтобы начать сотрудничество. Придётся действовать наугад.

Это был трудный, но плодотворный день. Десятки попыток, одна из которых удачная. Эффект того стоил – канал не только окончательно лишился последствий энергетической травмы, но и частично восстановился. Я думал потратить на его излечение месяц, но с такими темпами успею его полностью восстановить за неделю. Да, незначительный успех, но я вновь собираюсь встать на путь одарённого, а на нём мелочей не бывает. Приходилось мне видеть искалеченных одарённых, способных провести силу лишь через одну руку. А всё из-за своей лени или неправильного отношения к дару. В схватке с противником такие гибнут в первые же секунды.

Стихия хаоса, почувствовав моё удовлетворение от проделанной работы, пришла в радостное неистовство, в один миг прогнав через всё моё тело столько силы, что я едва сдержался, чтобы не закричать от жара. Айлин справедливая, так же можно убить носителя!

Напоследок влил все силы, что имелись у стихии воды, в панцирь, укрепив его сверх меры. Закончив, наконец-то позволил себе выйти из медитации. Нужно немного отдохнуть, прежде чем заняться другим каналом силы. Или же плотно ознакомиться с центром силы в моей голове. Должен же я знать, откуда он у меня.

Поднявшись с лежанки, я, сдерживаясь, неспешно добрался до выхода и вышел наружу. Вечер? Не может быть! Из-за этой безумной стихии я не в состоянии контролировать ничего в момент работы с ядром. Да, на начальном этапе никто из вставших на путь одарённого неспособен это делать. Но я-то не жалкий неофит, лишь познающий основы!

* * *

Мать с сестрой пришли поздно, за час до наступления темноты. Уставшие, но обе довольные. Во-первых, не с пустыми руками. Сестра притащила на плече целый кувшин воды – суточная норма ученика колодезного. Настоящее богатство по местным меркам. Да и мать сегодня принесла не только пучок травы, которым мы завтракали уже два дня подряд, но и парочку кореньев, каждый размером с ладонь Маринэ. С этими запасами, по словам Фариды, она собиралась приготовить отличную острую похлёбку, которой хватит на два дня. Что ж, ни я, ни сестра не были против подобной затеи. Я, как владелец настоящего ножа, даже вызвался почистить корнеплоды от кожуры, но был совершенно не понят.

– Зачем чистить? – первой спросила сестра. – В ней же всё самое полезное.

– Фархат сильно ударился, всё забыл, – напомнила Фарида, разводя огонь в очаге. Внутри хижины разом посветлело. – Сынок, ты бы отдохнул, я сама справлюсь.

– Выйду, подышу вечерним воздухом. – Мне почему-то стало неловко. Вот эти женщина и девочка вынуждены работать за двоих, чтобы мне было что есть и пить. А я, даже если захочу, не смогу им помочь из-за договора со старостой. Нет уж, нужно срочно сделать копьё и расспросить охотников, как можно добыть кого-нибудь съедобного.

Пока шёл к выходу, правая рука непроизвольно ухватила неказистую рукоять ножа. Возможно, благодаря этому я и успел правильно среагировать, когда увидел мелькнувшую под циновкой тень. Слишком маленькую и резвую для человека. Какой-то хищник?

В два прыжка я очутился слева от входа, приготовившись бить. Вовремя! Под циновку поднырнула приплюснутая треугольная голова существа, очень похожего на огромного насекомого. Затем последовала длинная тонкая шея, не толще предплечья Маринэ. Следом начала протискиваться крупная туша, и я стал действовать.

Шаг, и моя босая стопа опускается на основание шеи, прижимая треугольную голову к полу. А теперь встать на колено и с силой вбить лезвие ножа в тело неизвестной твари. И ещё удар.

– Хлоп! – раздался над головой звук сильного удара по циновке. Я, продолжая колоть непрошеного гостя ножом, бросил взгляд вверх. Внутри на миг всё похолодело. Надо мной, в каких-то сантиметрах, пробив насквозь толстую циновку, нависал здоровенный шип. Учитывая силу удара, атаковавшая тварь прикончила бы меня одним ударом. Вон как капает с острия маслянистая жидкость, она явно ядовита.

Убедившись, что зверь перестал дёргаться, я всё же нанёс несколько ударов, отсекая незваному гостю голову. Только после этого позволил себе отступить в сторону. Ух ты, смотри, как колотит от возбуждения моё новое тело. Стихии хаоса явно по нраву подобные развлечения.

– Мама, ты знаешь, что это? – хриплым голосом поинтересовался я, стараясь не наступать на маслянисто поблёскивающие на полу капли яда и крови.

– Т-т-т-т… Т-трикс, – заикаясь, с трудом ответила Фарида. – О-он м-мёртв?

– Ну, я отрубил ему голову, и тело сильно поранил. Если и жив, то скоро истечёт кровью.

– Нужно звать охотников! – всплеснула руками мать и начала метаться по хижине, приговаривая: – А если снаружи ещё один? Да нет, тогда бы это был прорыв контура, и нас бы уже всех убили. Один, точно один. Надо сообщить старосте, он знает, что делать. Нет, Фархат же не помнит, где живёт Тимур. Сама пойду! Или лучше дождаться рассвета? Вдруг трикс всё же не один?

– Успокойся, – твёрдым, спокойным голосом произнёс я, видя, как Фарида начинает паниковать. – Никуда никто не пойдёт. Я проверю, есть ли кто

снаружи. Если нет, дождусь дозорных, совершающих обход, и всё им расскажу. А ты продолжай заниматься своим делом, приготовлением пищи. Но сначала проследи, чтобы Маринэ пришла в себя. Посмотри, как её трясёт.

– Х-хорошо, – прошептала мать, опускаясь на край лежанки, на которой, свернувшись в комочек и тонко подвывая, лежала сестра. Ничего, сейчас они друг друга поддержат, и всё будет хорошо. А мне нужно извлечь ядовитое жало из циновки и убедиться, что к нам не собирается полезть ещё одна тварь. Айлин справедливая, как же это плохо – ничего не знать о мире, в котором живёшь…

Глава 5

Статус: пробуждённый

Выйти наружу удалось не сразу. Пришлось постараться, чтобы не задеть ядовитые капли, да и к крови я старался не прикасаться – неизвестно, что у неё за состав. Для начала осторожно выглянул сквозь нижнюю щель и лишь после развязал все узлы, выполняющие роль замков.

Выбравшись из хижины, осмотрелся. Тишина, лишь цепочка следов, протянувшаяся от нашего жилища в пустошь. Убедившись, что угрозы больше нет, осторожно извлёк хвост твари из циновки, после чего выволок наружу всё туловище. Тяжелое для столь мелкой твари – килограмм пятнадцать. Если бы эта гадина пробралась внутрь незамеченной, вряд ли бы кто-то из нас остался жив.

– Снаружи больше нет никаких тварей, – сообщил я, заглянув в хижину. – Можете успокоиться.

– Ты пойдешь к старосте? – спросила Фарида. Они с Маринэ сидели в обнимку на лежанке. Обе хоть и выглядели испуганными, но тот ужас, что я увидел в глазах сестренки, уже исчез, сменившись настороженностью, смешанной с легким любопытством.

– Нет. Скоро придут дозорные, их подожду. Смотри, очаг прогорел.

– Ох! – мать всплеснула руками. – Сейчас, сейчас, я же обещала. Маринэ, милая, помоги мне скорей, пока угли совсем не затухли.

Через пару минут в очаге вновь вспыхнул костерок, а Фарида наполнила хижину деловитой суетой. Маринэ, занятая помощью матери, успокоилась, благодаря чему я почувствовал, как из жилища постепенно уходит напряжение. Оказывается, стихия хаоса внутри меня отлично чувствует окружающий мир и чутко реагирует на любые эмоциональные всплески. Для меня это стало откровением – дар взаимодействует не только со мной, ещё он реагирует на внешние раздражители. В будущем у меня могут возникнуть из-за этого большие проблемы. Если не научусь контролировать хаос.

* * *

Дозорные появились раньше, чем мать закончила приготовление пищи. Я к этому времени закончил осмотр туши убитого трикса и уже начал подчищать следы от крови и яда, используя для этого кусок тряпья, которым мы укрывались во время сна.

– Фархат, опять не спишь? – увидев меня, заговорил тот же самый мужчина, что беседовал со мной в прошлый раз. Мать сказала, что это Бархук, старший сын уважаемой Сахи.

– Я бы с радостью уснул, но не с мертвым триксом возле хижины, – ответил я.

– Мёртвым? – чуть ли не хором воскликнули дозорные.

– Да. Повезло, я случайно увидел, как он пытается пролезть внутрь нашего жилища, и удачно подловил его.

– Синай, к старосте, живо! – потребовал Бархук, едва рассмотрел тушу убитой твари, которую язык не поворачивался назвать зверем. Не бывают простые звери столь мерзкими на вид.

Вскоре возле нашей хижины стало людно. Со старостой пришёл один из его сыновей, а с ними и второй дозорный отряд. Тимур тут же попытался расспросить мать о том, что произошло, но был вынужден разговаривать только

со мной. Фарида наотрез отказалась говорить о мужских делах. Сказала, что её сын стал настоящим охотником, а значит, он и старший в хижине.

– Ну, Фархат, рассказывай, как убил трикса, – спокойным, чуть усталым голосом обратился ко мне староста, когда мы отошли в сторону от хижины. В это время охотники уже занимались разделыванием убитой мной твари, при этом довольно эмоционально обсуждая какой-то мешок.

– Повезло, говорю же, – в который раз сказал я и коротко поведал о недавней схватке.

– Занятно, – произнёс Тимур, выслушав меня. – Ты осознаёшь, что в одиночку убил противника, на которого обычно охотятся группой минимум в три человека? В таких случаях не может быть везения, Фархат. Да и сложно назвать удачей то, что трикс, едва пересёк защитный контур, прямиком направился в вашу хижину. Думаю, это как-то связано с тобой, и теперь вся ваша семья в опасности.

– То есть? Тварь пришла к нам целенаправленно? – уточнил я, хотя уже всё понял.

– Да. Не к вам, к тебе. Думаю, будет лучше, если твои мать и сестра переселятся в мой дом. Не переживай, у нас найдётся для них свободная комната. А вот тебя переселить не могу, сам знаешь, по какой причине. При всей твоей ценности я не могу рисковать селянами. У тебя в любой момент может произойти выплеск хаоса, из-за чего погибнут люди. Ты сейчас словно спящая тварь из пустоши. Уж прости за такое сравнение, но оно самое точное.

– Так что мне теперь делать? – Мой голос прозвучал спокойно, и это, похоже, несколько удивило старосту, поэтому пришлось добавить: – Не хочу, чтобы из-за меня кто-то погиб.

– Поживёшь один, – предложил Тимур. – Да ты не переживай, всем необходимым, водой и пищей, тебя обеспечат. Судя по восторженным возгласам дозорных, у убитого тобой трикса сохранился мешок с ядом, а это очень ценный ингредиент. Любой из охотников в обмен на этот яд согласится кормить тебя мясом целую неделю.

Дальнейший разговор был прерван одним из дозорных, подозвавшим старосту. Судя по отдельным фразам, услышанным мной, речь пошла о моём трофее и цене, которую охотники готовы заплатить за мешок с ядом трикса, а также за тушу твари. Кто-то предлагал забрать всё на нужды селения, а в ответ на два дня освободить отродье хаоса, то есть меня, от работы. Предложение тут же отверг Тимур, высказав некоему Малюту, что жадность – порок, с которым надо бороться. Напомнил староста и про то, что если бы сын ведьмака не убил тварь, то неизвестно, сколько бы жителей погибло. Устав слушать все эти разговоры, я вернулся внутрь хижины.

– Что решил староста, Фархат? – поинтересовалась мать.

– Вам придётся пожить какое-то время у Тимура, – сообщил я о самом важном. – Здесь вам будет слишком опасно. Похоже, я привлекаю тварей.

– Но… – начала было Фарида и тут же умолкла. Мы понимали, что любые слова излишни.

– Справлюсь, – всё же решил я успокоить женщину, считающую себя моей матерью. – Осталось ждать всего семь дней.

Спустя полчаса в хижине и возле неё стало тихо, даже угли в очаге уже не потрескивали. Все ушли, оставив меня в одиночестве. Что ж, разве не этого я желал? Никто не будет мешать мне заниматься восстановлением моего изуродованного тела.

* * *

В тишине и одиночестве наконец-то позволил себе поесть. Впервые за все время нахождения в пустоши мне удалось полностью утолить и голод, и жажду. Организм, непривычный к такому обилию, попытался возмутиться, но быстро успокоился, и меня резко потянуло в сон. Благодаря яду трикса, знатно забрызгавшему вход, в эту ночь вряд ли кто сунется в жилище – разве что крупные твари прорвут контур. Но против таких мне, да и любому жителю посёлка, не выстоять и секунды. Убежать тоже вряд ли получится. Только укрыться в том каменном здании, где живёт колодезный. Других столь же прочных строений я не видел.

Так, размышляя, я позволил себе заснуть. Похоже, молодой организм испытал сильнейший стресс, когда столкнулся со смертельной опасностью, и сейчас требовал отдыха.

Проснулся рано, до рассвета. Поднялся и решительно потратил кружку воды, умывшись. Для моего тела подобное действие оказалось столь непривычным, что остатки сонливости растаяли без следа. Что ж, пора начинать новый день.

Сегодня решил действовать чуть иначе, и первое, что сделал, – потрудился над энергетическими каналами. В этот раз на погружение в медитацию ушло не больше трёх секунд, и это радовало. Значит, обе стихии, вольно или невольно, но подчиняются мне, позволяют собой управлять.

Не обошлось и без странностей. Привычно скользнув в ядро стихий, я тут же восстановил ледяной панцирь. Стихия, почувствовав моё присутствие, отозвалась радостным журчанием. В отличие от неё, хаос встретил меня раскалёнными углями. Мне удалось считать его эмоции как глубокое удовлетворение.

Что же так успокоило безумную стихию? Неужели убийство трикса? Но почему? Что получило моё тело от уничтожения твари? Да, был эмоциональный подъём, а после того, как я вытащил тушу из хижины, легкая пустота на сердце. Но это нормально – чувствовать опустошение после победы в сложном бою. Вот только это всё было ночью, прошло уже несколько часов с того времени.

В поисках причины того, что хаос внутри меня унялся, я принялся планомерно, канал за каналом, исследовать своё энергетическое тело. Заодно высматривал, на исцелении чего сконцентрироваться в следующий раз. Так, осмотрев руки, ноги, я наконец добрался до головы и замер.

Увиденное настолько потрясло, что меня чуть не выбило из медитации. Тот центр силы – неизвестное образование в моей голове, позволяющее отлично видеть в темноте, к нему неожиданно добавилось ещё одно. И едва я обнаружил его, произошло то, чего просто никак не могло случиться.

Перед моими глазами вспыхнула надпись:

Прогресс Либеро один: 3 из 100.

Статус: пробуждённый. Не активирован.

Перечитав несколько раз текст, я пришел к выводу, что он как-то связан с убийством трикса. На большее у меня просто не хватило знаний. Стоило расспросить старейшину, он явно что-то знает. Не хотелось бы своими вопросами наводить Тимура на подозрительные мысли, но мне нужна информация. Просто необходима.

Закончив исследования, я вернулся к одному из мелких энергетических каналов, вернее, к его зачатку, расположенному в левой стопе. Если не развить этот канал, то через два, может, три года я окончательно превращусь в хромого калеку и лишусь возможности зажечь несколько центров силы.

Воздействие на зачаток канала требовалось незначительное, и с этим можно было справиться за несколько минут. Если бы не одно но. Стихия хаоса, совершенно неподконтрольная, с любопытством вмешивалась в любые мои действия, внося свои коррективы. В данном случае стороннее вмешательство могло всё усугубить, но и оставлять так, как есть, я не мог.

Тонкий, в десятки раз тоньше волоса, луч, наполненный стихией воды, целую вечность тянулся к атрофированному зачатку. Я уже забыл, когда в последний раз мне приходилось так напрягаться, сосредоточившись на, казалось бы, простейшем действии.

Хаос уже давно вышел из своей эйфории и, переполненный любопытством, внимательно следил за моим действием, не проявляя свойственных ему признаков нетерпения. Словно немой зритель, он дождался, когда я дотянусь до нужного мне места и волью в зачаток те крохи силы, что так долго и бережно пытался доставить.

Убедившись, что у меня получилось, я ещё раз проверил крепость ледяного панциря и только после позволил сознанию вынырнуть из медитации. Едва осознал себя, сидящего у опорного столба, почувствовал, как всё тело трясёт от перенапряжения.

С трудом поднявшись на негнущиеся ноги, потихоньку двинулся к выходу. Сквозь довольно приличную прореху в циновке внутрь пробивался солнечный

луч, а значит, наступило светлое время суток. А мне как раз нужна хорошая разминка.

Очутившись под палящим солнцем, я осмотрелся. Никого. Жители посёлка не слонялись без дела – каждый был занят полезным для общины трудом. Благодаря трудолюбию они выживали в этих ужасных условиях. И моё здесь присутствие совершенно не вписывалось в их картину мира. Впрочем, раньше я работал на равных со всеми и лишь после пробуждения хаоса, как сказал староста, стал полноценным изгоем. Для настоящего хозяина тела такое положение было бы непоправимым ударом, а значит, стоило как-то соответствовать. Например, сходить в посёлок. Да, так и поступлю.

Приняв решение, приступил к разминке. Простейший комплекс упражнений, который проделывают перед тренировкой начинающие одарённые. Со стороны, если не знать, чем я занимаюсь, мои движения можно было принять за странный танец или кривляние. Впрочем, не удивлюсь, если у местных вообще нет такого понятия – танцевать.

Волной нахлынули воспоминания. Я, Айвен, главный церемониальный зал родового поместья…

– Эй, Фархат, чем ты занимаешься? – раздался за спиной голос Тира. Эх, знали бы они, как я их ждал! Опасался, что испугаются, не придут.

– А ты правда ночью убил трикса? – это уже Рахим. Уже сейчас было видно, кто из двух подростков станет охотником, а кто – простым селянином.

– Правда. Принесли то, о чём мы договаривались?

– Конечно. Иначе зачем нам сюда приходить, – чуть обиженно ответил Тир. В его руках был длинный шест, от вида которого я даже чуть растерялся. Метра два с половиной, идеально ровный, и даже на расстоянии чувствовалось, что он прочный.

– Откуда у вас это древко? – не смог я не задать вопрос.

– Ты что, забыл? Мы же все вместе ходили на сухое русло. У тебя тоже было, но короткое, в половину от этого. Даже копьё, помню, сделал, а потом на шипохвоста пошёл охотиться. Дальше не знаю, что с тобой случилось, но ты несколько дней не выходил на улицу. Мы думали – умрёшь.

– Фархат, ты это, давай быстрей, произноси клятву, и мы пошли. – Рахим положил на землю небольшой моток верёвки и глиняный горшок, скорее всего, с клеем. Хм, что ещё за клятва?

– Да, слово ведьмака! – поддержал товарища Тир. – Пообещай, что не станешь нам мстить.

– Даю слово ведьмака, что не стану мстить Тиру и Рахиму, а также их родным, – произнес я, сдерживая улыбку.

– О, точно! – хлопнул себя по лбу Рахим. – Про родных мы и не подумали. Всё, Тир, отдавай палку, и пошли отсюда, иначе Саха нам не засчитает рабочий день.

Проследив за двумя худощавыми фигурами, быстро удаляющимися от хижины, я подобрал древко и проверил его на излом. Тяжёлое, но очень прочное. Я даже не знаю, была ли в моем мире столь крепкая древесина. Что ж, вот и занятие на оставшееся до вечера время.

* * *

Благодаря моему необычному зрению, мне было комфортно работать в сумраке хижины. Правда, я вновь столкнулся с необычным, когда решил удалить деревянные накладки с рукояти ножа. Да, они оказались из той же древесины, что и будущее древко.

Но удивительное было в другом. И рукоять, и само лезвие – они изменились. Похоже, во время убийства трикса произошёл очередной неконтролируемый выплеск хаоса. Жаль, что я не мог оценить наличие силы в предметах и ещё не скоро научусь это делать. Увы, но внешние, управляемые проявления стихий можно создавать только при развитых энергетических каналах. Для их построения и развития мне понадобятся месяцы, если не годы.

Так что оценить, что изменилось в моём оружии, я не мог. Единственное, в чем был уверен, – прочность повысилась. Так что снятие деревянных накладок заняло втрое больше времени, чем я рассчитывал.

Вечером меня навестила мать. Она принесла с собой горшок с жарким и кувшин воды. Внимательно осмотрела хижину, убедилась, что похлёбка закончилась, и лишь после потребовала, чтобы я отложил все дела и поел. А сама в это время, сидя напротив, пристально наблюдала за мной.

– Ты очень сильно изменился после падения, Фархат, – наконец произнесла Фарида, отведя глаза в сторону. – Мне говорили, что хаос, пробудившись, меняет вас, ведьмаков. Но я не ожидала, что настолько. Я не узнаю тебя, сын. Ты словно повзрослел в один миг, сразу на много лет.

– У Маринэ всё хорошо? – спросил я, закончив есть. Надо же, второй раз чувствую себя насытившимся.

– Да. Нам предложили поселиться в другую хижину, в центре посёлка. Хромого Ковжу забрала к себе Саха, и его жилище теперь пустует.

– Это хорошо. – Я налил воды в две кружки и одну протянул матери: – Пей. Мне одному этого кувшина слишком много.

– Ты вырос хорошим человеком, – мать приняла кружку. – Надеюсь, станешь хорошим ведьмаком, которого не будут бояться в селениях.

– Не будут, – я улыбнулся. – Завтра пусть Маринэ принесет пищу и воду. Хочу поговорить с ней.

– Хорошо. Пошлю её пораньше, засветло, – согласилась Фарида. – Что ж, мне пора. Позволишь забрать кое-что из посуды? Тебе это всё равно не понадобится.

– Да, конечно, забирай. Ты здесь хозяйка, – ответил я, про себя порадовавшись, что женщина не видит моей грустной улыбки. Её лицо, искажённое горем, я видел прекрасно. Ничего, Фарида, скоро у тебя всё будет хорошо.

* * *

На следующий день я уже не ждал гостей и потому полностью ушёл в процесс изготовления копья, поглядывая на вход. К сожалению, у селян были свои планы на мой счёт, почти сразу после ухода матери я услышал приближающиеся к хижине шаги. Решил, что это староста, но ошибся.

– Эй, Фархат, ты здесь? – раздался из-за циновки незнакомый голос.

– А где же мне ещё быть? – усмехнувшись, ответил я. – Заходи, раз пришёл.

– Это я, Бахрум, – внутрь вошёл коренастый, широкоплечий парень. Я вспомнил, что видел его, когда старый Сахем выбирал себе учеников. – Маринэ сказала, что ты после падения ничего не помнишь.

– Так и есть, – ответил я и тут же спросил, желая быстрее избавиться от гостя: – Не боишься, что сюда пожалуют твари из пустоши?

– Нет, – усмехнулся подросток, добравшись до моей лежанки и опустившись на её край. – Отец сказал, что к тебе ещё дня три никакая тварь не придёт. Тут всё провоняло ядом и кровью трикса, а иглозубы, шипохвосты и прочая мелочь боятся эту крупную тварь.

– Хм, староста сказал, что у меня лишь сутки, а потом из пустоши придут новые.

– Да что он знает про тварей, этот слуга ведьмаков, – с пренебрежением ответил Бахрум и тут же добавил: – Ничего. Ладно, всё это ерунда. Рассказывай, как ты убил Хамиза?

Форпост ведьмаков. Рабочий кабинет коменданта

– Мате Александр, где тебя так долго носит? – В голосе кона Артемила, командующего форпостом, звучало неприкрытое раздражение. – Я ждал вас ещё вчера.

– Только что вернулся из рейда, конмэ Артемил. Непредвиденные обстоятельства, подробности изложу в рапорте. – Ко'тан Александр, старший

боевой звезды, исполнил уставной поклон перед вышестоящим офицером.

– Передай заполнение рапорта кому-нибудь из подчинённых, матэ. Слушай срочное задание. Поселок семнадцать-два-два, дежурный увидел над ним столб черного дыма. Похоже, твари прорвали защитное плетение. Нужно разобраться на месте. Один справишься?

– Справлюсь, конмэ.

– Поспеши. В посёлке формируется допризывник, не хотелось бы потерять будущего воина.

– Разрешите идти, конмэ?

– Ступай, матэ, – разрешил комендант форта. – И прошу, не связывайся с иносами. Смотрящий видел их воздухолёт в том районе.

Спустя четверть часа, собрав дорожные сумки, Александр, оседлав своего верного Кухрю, ездового ящера и боевого друга, покинул стены неприступного, усиленного магией форпоста.

Глава 6

Добровольное заточение

– Ух ты, не знал, что ты умеешь делать копья. – Бахрем, крепко удерживая древко, наблюдал, как я виток за витком туго наматываю прочную веревку, как следует вымоченную в горшочке. Как мне успел рассказать сын охотника, и основа для клея, и волокна, из которых сплетен тонкий жгут, – всё было добыто из тварей пустоши. Не знаю почему, но во мне крепла уверенность – копьё получится отличным и сослужит мне хорошую службу.

Закончив с креплением наконечника, положил оружие на стол и осмотрел его. Древко пришлось укоротить до одного метра восьмидесяти сантиметров. Вместе с лезвием вышло около двух метров, что меня вполне устраивало. Конец ещё

предстояло зашлифовать, да и лезвие как следует заточить. Впрочем, даже сейчас я почувствовал себя гораздо увереннее. Теперь есть чем встретить тварей из пустоши.

– Ну ладно, я пошёл, – сообщил мне Бахрем.

– Иди, – кивнул я. – И спасибо за помощь. Да, приглядывай за Маринэ. Боюсь, что Хамзат причинит ей зло.

– Не причинит. Скоро мы узнаем все тонкости профессии колодезного, там оказалось не так уж и много секретов.

Проследив, как гость уходит в глубь селения, я перевёл свой взгляд на звёздное небо. Осталось шесть или семь дней, а я сделал лишь несколько маленьких шагов к своей цели. Впереди у меня длинный путь становления. Да, я однажды уже проходил его, но тогда всё было иначе. Во мне отсутствовала стихия, пытающаяся уничтожить своего носителя.

– Надеюсь, ко мне больше никто не придёт сегодня, – прошептал я и вернулся в хижину. До рассвета следует провести ещё одну медитацию, и пора бы уже начать развивать стихию воды.

* * *

Два последующих дня не отличались от первого, прожитого мной в одиночестве. Разве что еду мне принесла сестра да посетителями были не подростки, а охотники и старейшина.

Сестра подтвердила, что Бахрем всегда рядом, пока она находится возле колодца. Она же сообщила, что мать толстого Сахема попыталась выпустить сына из клетки и была сурово наказана Хамзатом. Если раньше она сидела дома – растила детей и ухаживала за мужем-калекой, то теперь будет ходить на ферму уважаемой Сахи и там работать наравне со всеми. Почему-то именно этот момент доставлял сестре больше радости, чем её внезапно изменившееся положение.

Староста навестил меня, чтобы убедиться, что я в порядке, и в очередной раз попросил не выходить за охранный контур. Вот уж чего я точно не собирался делать. Зато, пользуясь случаем, попросил у Тимура точильный камень. Так что к вечеру третьего дня у моего копья остриё было заточено до бритвенной остроты.

Охотники пришли под конец третьего дня с деловым предложением. Никому не хочется бродить по пустоши в поисках добычи, ведь там можно встретить тварь, против которой не выстоит и отряд из десяти человек. Такая встреча гарантированно окончится гибелью охотников. Другое дело, когда мелкие твари сами приходят к посёлку. Причём известно, в каком месте будет прорыв.

В общем, меня просто поставили перед фактом, что с сегодняшней ночи возле моей хижины будут стоять в дозоре три вооруженных человека. Изначально охотники пожелали остановиться внутри, но я был категорически против такой затеи. Зачем мне лишние глаза, наблюдающие за мной во время медитации. Неизвестно, как местные на это отреагируют. Поэтому я сослался на предостережения старосты, что в любой момент хаос внутри меня может взбунтоваться и всё окончится весьма плохо. Так что дозор был организован снаружи. Вот только мне всё равно пришлось принять участие в ночном бою.

* * *

В ночь на третий день моего одиночества я смог провести вторую за этот день медитацию и, довольный проделанной работой, решил лечь спать, когда снаружи послышался шум. А вскоре к шуму присоединились и крики, явно от боли. Поднявшись с лежанки, я подхватил копьё и двинулся к выходу. Вовремя.

Циновку вспороло сразу в двух местах, после чего внутрь полезли сразу две твари. Моё уникальное зрение позволило как следует рассмотреть ночных посетителей, и потому я не стал медлить с ударом, выжидая более подходящий момент.

Насекомоподобные порождения пустоши, сильно напоминающие благородных пчёл, имели лишь одно существенное отличие. Две передние лапы больше походили на остро заточенные клинки, которыми твари и вскрыли дверь хижины. А ещё, судя по звукам боя снаружи и крикам, к селению пожаловала

целая стая этих мерзких созданий.

Мой первый выпад был с максимальной дистанции. Неловкий, но достаточно точный, чтобы вонзиться в бок мохнатого отродья. Остриё вошло глубоко в тушу, явно пробив её насквозь. По ощущениям – словно пробил рыхлый дождевой гриб, которые в изобилии росли вокруг родовой усадьбы.

Тварь не издала ни звука и, когда я выдернул острый наконечник, тут же упала замертво. Зато вторая, быстро сориентировавшись, посеменила ко мне, размахивая своими костяными клинками и угрожающе щелкая жвалами. Стали видны и другие отличия от пчёл – кривые паучьи лапы, оканчивающиеся остриями, и десяток глаз, расположенных на головогруди. Только хаос мог породить столь мерзких существ.

Выдернув из туши убитой твари лезвие, я обратным движением попытался подрубить второй ноги, но противник резво отскочил в сторону и, ударив свои костяные клинки друг о друга, прыгнул. Я успел подготовиться к вражеской атаке и ударом сверху вниз прибил тварь в полёте, про себя отметив, насколько же мало весит противник.

Увы, но характерный удар клинка о клинок, похоже, был своего рода приглашением, потому что внутрь жилища одна за другой полезли другие твари. Понимая, что мне не справиться с ними на открытом пространстве, я отбежал в глубь жилища. Стол, лежанка матери, колченогий табурет – всё было мной перевернуто, образовав своего рода защитную преграду. Я же, вооружившись вторым табуретом, словно щитом, наносил удар за ударом, стараясь прикончить как можно больше тварей.

Сначала у меня сложилось впечатление, что порождениям пустоши не будет конца. На место убитого пчелопаука тут же вставал новый, и мне уже дважды пришлось отбивать табуретом прыгающих тварей. Третий прыжок оказался для меня неожиданностью, уж больно низко пролетела тварь. А в следующую секунду мою левую многострадальную ногу обожгло болью.

С силой швырнув свой импровизированный щит вниз, я услышал характерный хруст сминаемой тушки огромного насекомого и едва успел выставить перед собой копьё, на которое тут же нанизался очередной пчелопаук. Чтобы отбить атаку четвертого прыгуна, мне пришлось отступить на несколько шагов назад,

укрывшись за лежанкой Маринэ. Пока отступал, бросил взгляд на левую ногу. Длинный порез, от колена до середины голени, судя по кровотечению и болевым ощущениям, поверхностный.

Внезапно от выхода раздался пронзительный свист, и внутрь заскочила тварь раза в три крупнее других. Матка – пронеслось у меня в мозгу. От неё стоит ожидать не только прыжков, но и какой-нибудь иной гадости. Может, плюётся чем?

Ухватив левой рукой тряпьё, выполняющее роль постельного белья, я швырнул его навстречу нападающим. Удачно – две твари решили прыгнуть на меня одновременно, и одну из них удалось сбить. От второй я отмахнулся копьём, а в следующую секунду прыгнул сам, уклоняясь от броска матки. Чудом удалось избежать двух здоровенных, каждый длиной с моё предплечье, костяных клинков.

Упав на бок, я перекатился, освобождая оружие. Матка почему-то не спешила нападать, и я, опираясь свободной рукой на стену хижины, поднялся на ноги. И тут же встретился с десятком маленьких, полных ненависти глазок. Тварь, способная одним ударом своих костяных клинков снести мне голову, не могла атаковать, она застряла. Одно из лезвий плотно вошло в зазор между двух палок, образующих каркас лежанки, и совершенно не хотело освобождаться.

Выводок матки в это время по неизвестным причинам держался в отдалении. Видимо, предоставил родительнице самой разбираться с добычей. Я, мысленно поблагодарив Айлин Справедливую, нанёс короткий удар, метя твари в брюшко. Та невероятным образом прыгнула, уклоняясь от моего выпада. Раздался хруст ломаемой конечности, и здоровенный пчелопаук, лишившийся одного лезвия, жалобно застрекотал. А затем из пасти насекомого в моём направлении ударила тёмно-серая струя какого-то вещества. Я всем своим существом ощутил исходящую от серого облака опасность. Одним прыжком переместился за спину противника и тут же нанёс удар.

В этот раз матка не смогла увернуться – лезвие вошло глубоко в тушу насекомого. Тварь забилась, попыталась даже сорваться с наконечника, но я прижал её к полу, не позволяя освободиться. Убедившись, что противник не сбежит, обвёл всю хижину взглядом. Четыре мелкие твари, замерев перед первой баррикадой, суетливо передвигались из стороны в сторону, но атаковать не спешили. Вот и хорошо.

Приложив усилие, я отшвырнул мёртвую матку в сторону и, подхватив остатки тряпья, бросил их в детёнышей, провоцируя на атаку. Но пчелопауки, вместо того чтобы нападать, тут же отступили к выходу, а затем и вовсе бросились наутёк. Это что же получается, они кидались на меня лишь по приказу старшей?

Снаружи раздался свист и гневные крики людей. Похоже, не только у меня противник отступил. Убедившись, что матка издохла, я перешагнул через перевернутый стол и приблизился к выходу. От циновки остались одни лохмотья, столь сильно искромсали её твари. Да, чтобы восстановить здесь всё, предстоит много работы.

Возле хижины кругом наблюдались следы настоящей бойни. На земле валялись десятки убитых насекомых, среди которых ходили охотники. Трое. Столько же лежало в неестественных позах, не подавая признаков жизни. А я еще думал, что на меня напали все отродья пустоши. Да каждый из охотников убил втрое больше пчелопауков.

– Фархат, ты живой? – воскликнул один из охотников, увидев меня. – Братцы, так это он прикончил царицу шаххов, больше некому! Слышишь, парень, ты убивал тварь, намного крупнее вот этих?

– Только что, – честно ответил я, указав на хижину. – Внутри лежит труп.

– Ты даже не представляешь, какой молодец! Считай, всем нам жизнь спас.

– Они пришли сюда из-за меня, – мой голос прозвучал глухо.

– Не в этот раз, – заговорил второй охотник, Бархук. – Шаххи не покидают своего гнезда, пока кто-то не потревожит матку.

– Это иносы, – согласился со старшим сыном Сахи, третий житель посёлка. – Ранили царицу и привели сюда. Уверен, их летун сейчас завис над горной грядой, а сами убийцы наблюдают за посёлком сквозь свои стеклянные трубы.

– Если бы не Фархат, мы бы ничего не успели сделать, – вновь повторил Бархук. – Дозорных шаххи перебили бы за несколько секунд.

– Хуже другое, – вновь заговорил первый охотник. – Защитный контур не сработал. Теперь поселок беззащитен перед сильными тварями. Надо поднимать всех, пусть староста объявит тревогу. И шаххов надо собрать. Их много, мяса хватит на несколько дней. До прихода ведьмака осталось четыре-пять дней. За это время даже посевы не успеют погибнуть.

Эта ночь стала для селян не такой, как все предыдущие…

* * *

Убежище. Огромное помещение, расположенное под землёй. Стены из каменных блоков, тяжелая крыша держится на нескольких десятках колонн. Главный вход перекрыт каменным колесом, которое могут открыть только специальными рычагами.

У стен на специальных стеллажах хранились запасы – кувшины с подсоленной водой, пучки съедобной травы, топливо. Пол был большей частью застелен каким-то тряпьём. Здесь даже имелась выгребная яма. Поселок был готов к прорыву контура.

Не готовы оказались многие жители. Кому захочется оставлять своё жилище на разграбление тварям из пустоши? Разумеется, сразу появились недовольные, а некоторые и вовсе открыто обвиняли меня в случившемся, пока спускались вниз. К счастью, у меня было копьё, вид которого действовал успокаивающе на особо крикливых. Ну и охотники – они по приказу Тимура ни на шаг не отходили от меня, окружив с трех сторон.

Фарида, едва я очутился внизу, попыталась обустроиться рядом со мной, но староста прикрикнул на мать, и она вернулась назад, к дочери. Маринэ, как я успел заметить, была под плотной опекой Бахрума, и за неё не стоило беспокоиться. Этот крепкий подросток даст отпор любому взрослому.

Лишь несколько человек не спустились в убежище. Старый Хамзат, Саха и ещё двое стариков. Последних двух, как я понял, должны будут принести в какую-то жертву. В чём эта жертва заключалась, Тимур мне так и не смог объяснить.

Когда последний селянин очутился внутри убежища, несколько мужчин закрыли проход, отсекая укрытие от внешнего мира. В помещении тут же стало вдвое темнее, послышался ропот. Я физически почувствовал ненависть, источаемую селянами в мой адрес. Ощущение, словно я нахожусь среди вражеских воинов, которых сдерживает от атаки лишь слово старшего по званию.

Староста тоже что-то чувствовал, поэтому выделил мне место в углу, а рядом разместил своих сыновей. Тем временем гул голосов внутри убежища начал потихоньку стихать, люди постепенно успокаивались, и иногда даже начали проскакивать фразы о том, что несколько дней не надо ничего делать, никто не осудит, не накажет. Можно просто отдыхать. Удивительно, но за считанные минуты злоба в людях начала утихать, сменяясь радостью и умиротворением. Почувствовав изменения в настрое жителей, Тимур проявил себя как глава посёлка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gubarev_aleksey/uchenik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити